

A family of four is posed in a snowy landscape. The mother, on the left, wears a bright red puffer jacket and a matching red beanie with a pom-pom, holding a baby in a pink snow suit. The father, on the right, wears a white knit sweater and a dark jacket, holding a child in a blue snow suit. They are standing in front of a rustic wooden house with a snow-covered roof and icicles hanging from the eaves. The scene is bright and cheerful, with soft lighting suggesting a sunny day.

**ВИКТОРИЯ
БАРКОВСКАЯ**

**НАСТОЯЩАЯ
СЕМЬЯ В ПОДАРОК**

Виктория Барковская

Настоящая семья в подарок

«Литнет»

2026

Барковская В.

Настоящая семья в подарок / В. Барковская — «Литнет», 2026

Они сообщили, что произошла ошибка. Несмотря на все контракты и гарантии, – ошибка. Моя жена не беременна. А тот единственный генетический материал, что сохранился у меня после лечения, был использован для другой женщины. Чужой. Моя последняя надежда на продолжение рода теперь принадлежит незнакомке. Мне нужно встретиться с ней. Сказать... Что именно? Что она носит моего ребёнка? Моего единственного ребёнка, который никогда уже не повторится? Что она держит в руках моё будущее, а я не имею на него никаких прав, кроме выстраданного отчаяния? У неё своя жизнь, свой муж. Она может отказаться от беременности, и тогда для меня всё закончится. Как просить её о том, что не имеет цены?

© Барковская В., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 – Человеческий фактор	5
Глава 2 – Долгожданная беременность	9
Глава 3 – Ненормальный гость	13
Глава 4 – Новая жизнь	18
Глава 5 – Ядовитое прошлое Демида	22
Глава 6 – Ложь во благо	26
Глава 7 – Соперница	30
Глава 8 – Спекталь	34
Глава 9 – 1 января	38
Глава 10 – Прошлое стучится в дверь	42
Глава 11 – 3 января	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1 – Человеческий фактор

– Один из замороженных стержней, подписанный на Демида Александровича, был перепутан с другим, в результате эмбриологическая бригада использовала не Ваш образец для оплодотворения яйцеклетки Вашей жены Ольги Алексеевны. А сперма Демида Александровича оказалась в программе другой пациентки. Мы выявили несоответствие при очередной сверке данных и с сожалением сообщаем вам об этом, – главврач медицинского центра поднимает свои пустые глаза то на меня, то на мою жену.

Ольга сжала зубы. Она смотрела на врача, периодически переводя взгляд на медсестру, не зная, на кого наорать, мне кажется, что её сейчас хватит сердечный приступ.

– Это невозможно! Вы же говорили, что всё под контролем! – её голос, тонкий и надтреснутый, перешёл почти в истерику.

– Вы что, шутите? – я подскочил со стула, едва сдерживая крик, врач от страха вжался в кресло. Хотите сказать, что Ваши работнички подсадили моей жене чужой эмбрион? – сам в шоке от своих слов хватаюсь за голову. – Вы осознаёте, что натворили вообще?!

Доктор наклонился вперёд, прикрыв руками часть лица:

– Яйцеклетка Вашей жены, это факт, а вот сперма другого человека, уж простите, – смотрит как побитая собака.

Ольга в шоке сползает по стулу.

– Уж простите? – я услышал, как собственный голос налился хриплым, опасным тембром, который самому мне был непривычен.

– Человеческий фактор, неправильная маркировка, трагедия, такое у нас впервые за многие годы, даже не понимаю, как так могло произойти!

Медсестра забилась в угол и прикрылась папкой с документами.

– Это что же, у меня будет ребёнок не от моего мужа? – округляя глаза, шепчет Оля.

– Мы всё исправим, дорогая Ольга Алексеевна, если эмбрион приживётся, мы сделаем аборт. Всё будет сделано за счёт клиники, – успокаивает нас доктор.

– Вы это так легко говорите, словно ничего такого в этом нет, как прививку поставить, – Оля вдруг начинает плакать.

– Мы очень сожалеем, мы понимаем масштабы ущерба, – голос доктора дрогнул, а взгляд искал прощения, которое он вряд ли мог получить.

Ольга вдруг улыбнулась, пусто, неестественно.

– Вы понимаете, у меня одна жизнь, надежды, а Вы всё сломали! – слёзы продолжают капать из её глаз, а она их аккуратно вытирает, чтобы тушь не потекла.

Я хожу по кабинету словно загнанный зверь. Медсестра пытается что-то вставить между делом, но в этом потоке фраз я слышу только отдельные слова: «криоконсервация», «донорские стержни», «баркодирование», «двойная верификация», всё это мне было непонятно и превратилось в сплошную кашу в голове. Я сел и строго посмотрел на Ольшанского:

– Какие у нас шансы завести детей?

– К сожалению, шансов нет, – печально качает головой доктор, – простите...

– Что? – рычу я в ответ. – Вы понимаете, что украли у меня право быть отцом?!

– Пойдём, Демид, надо подать на них в суд, пусть отвечают за свои ошибки! – моя жена встаёт и, цепко схватив меня за руку, тянет к выходу.

Я просто не знаю, что мне делать, остаюсь стоять, как вкопанный. Оля отпустила меня и вышла, громко хлопнув дверью.

– Виталий Валерьевич, стесняюсь спросить, моей спермы что, не осталось?

– Нет, Демид Александрович. Видите ли, её перепутали со спермой другого человека, а он не просил её хранить, у него нет проблем со здоровьем.

– Прекрасно, лучше и быть не может, – тяжело я выдыхаю.

– Вы не представляете, как нам...

– Жаль? – закричал я, стараясь не стукнуть его по макушке от злости. – Помолчите лучше! – вдыхаю на раз, выдыхаю на восемь. – Так... Хорошо... Спокойно... – говорю я сам себе, – мне нужен контакт той девушки или женщины, кому Вы там отдали моё богатство?

– Такие сведения составляют врачебную тайну. Я... – мнётся он. – Я не могу Вам этого сказать. Мне очень жаль. Точно так же и Ваша личность останется для неё тайной.

Я молчу. Его глаза блестят и в них отражается мой гнев. Он добавил:

– Такова наша политика.

– Вы себя слышите?! – взрываюсь я. – Какую чушь несёте?! – сминаю к чёрту все бумаги на столе и швыряю их в разные стороны. Хватаю его за горло, смотрю прямо в эти жалкие глаза:

– Ты подонок, сейчас же дашь мне контакты этой женщины!

В его глазах неподдельный страх, он пытается что-то проямлить, но с языка сходят только какие-то отдельные слоги.

Делаю глубокий вдох, успокаивая себя и отпускаю его.

– Угораздило же меня выбрать именно вашу клинику, – расправляю свой костюм, – я перенёс тяжёлое лечение, я так надеялся на Вас!

– Кто же знал, что всё так получится, – испуганно смотрит доктор, поправляя воротник халата. Переводит взгляд на компьютер, начинает там что-то искать.

– Какого чёрта здесь вообще у вас творится?! – поворачиваюсь в сторону медсестры, она испуганно дёргается.

Впервые за долгие месяцы моя стальная выдержка даёт трещину, я срываюсь. Но боже мой, это оправдано, случилась катастрофа, мой биоматериал использовали для ЭКО с яйцеклеткой не моей жены, а какой-то другой женщины. И теперь у нас с женой не может быть детей. А она много лет только и мечтает о ребёнке, она так ждала, что я вылечусь, стану здоровым, и у нас наконец будут дети.

Помню, как всё начиналось. Тогда я ещё верил, что деньги – панацея, что они могут купить здоровье и решить любую проблему. Пока мне не поставили страшный диагноз.

Первой мыслью был животный страх смерти. А второй – пустота. Умру, и некому будет оставить дело всей жизни. Мы с Ольгой как раз планировали детей, но всё повисло на волоске. Врачи предупредили: агрессивное лечение, химиотерапия, могут сделать меня бесплодным.

И я, пока ещё было время, пока тело не тронули ядами, сдал сперму в криобанк. Это был мой страховой полис на будущее. На надежду. А потом лёг на первый курс химии, чтобы выжить.

В клинике объяснили, что сперму замораживают при минус ста девяносто шести градусах по Цельсию. При правильной криоконсервации сперматозоиды сохраняют жизнеспособность десятилетиями. Они должны были исключить путаницу, ведь я платил как за VIP-пациента. Мне обещали, что так и будет.

Моё лечение было долгим, и прошло успешно, но мне не вернули способность к естественному оплодотворению.

Химиотерапия и лучевая терапия часто оставляют мужчин с азооспермией, поэтому резервная копия, которую я сохранил в криобанке, была моей единственной надеждой биологического отцовства.

– Я надеюсь, что Вы выясните, как это произошло? И я жду имя женщины и её данные, адрес?

Он нервно что-то записал на клочке бумаги и протянул его мне.

– Вот... – трясущейся рукой. – Только я... Я Вам ничего не говорил.

– Что ж, ребёнка мне родит не жена, это минус, – забираю я бумажку.

– Вы что же! – вдруг осмелился докторюга. – Вы не можете так поступить, – он заговорил торопливо, сдавленно. – Я полагал, вашей целью будет... убедить её прервать беременность.

– Ещё чего. Это мой единственный шанс стать отцом! Смекаешь?

– Но у этой женщины есть семья, – он понизил голос до шёпота, в котором слышалась отчаянная попытка образумить меня. – У неё муж. Скорее всего, они примут решение не оставлять эту беременность. Они ведь хотят своего ребёнка, а не... генетического подменыша.

– Подменыш он для её мужа, а для неё нет!

Мне даже стало интересно, как она выглядит, какая мама будет у моего ребёнка, но это я не стал обсуждать с этим дилетантом. Не прощаясь, я вышел из кабинета, спрятав листочек в карман.

– Ты чего так долго? – недовольно смотрит Ольга.

– Разбирался, пошли...

Спустя время

У меня были важные переговоры, которые я не мог прервать. В клинику Оля поехала одна, а уже оттуда я её встретил. Она села в машину и с облегчением вздохнула:

– Не прижился, – она улыбнулась какой-то странной улыбкой, которая делала её лицо чужим, – слава богу, и деньги вернули. Я счастлива. – Сказала она неожиданно. – Я безумно счастлива, я так боялась этой беременности, ты даже представить себе не можешь!

– Почему же, представляю, – тоже вздыхаю с облегчением, накрыв её руку своей. Не хотел бы, чтобы моя любимая жена рожала от какого-то чужого мужика.

– Послушай, у меня стресс, отвези меня домой пожалуйста, я устала, хочу поспать, – не отреагировав на мои поглаживания, Оля убрала руку и холодно улыбнулась.

Демид

– Да, я всё решила, эмбрион не прижился и меньше проблем, – говорит Оля в трубку.

Я стоял за стеной, не планируя подслушивать собственную жену. Но тема меня зацепила, и я стал греть уши.

– Я детей хочу, понимаешь? – продолжает она после недолгого молчания, – семью настоящую, а он что мне даст, кроме денег? Да, я понимаю, что живу как у Христа за пазухой, но самого желанного у меня нет и с ним никогда не будет.

– Да я всё понимаю про деньги, но что поделаешь? Видимо, это моя карма – либо дети, либо жить богато. Но ничего, у тебя квартира, машина, у меня тоже, зарабатываю я хорошо, к тому же я тебя неплохо знаю, да и в постели ты мне подходишь.

Моё сердце забилося так, что я почувствовал каждую артерию на шее. В голове шквал воспоминаний, как моя любимая жена помогала мне бороться со смертельной болезнью – всё это теперь звучит лживо и потеряло всякий смысл. Все её сказанные слова любви и поддержки обесценились в один миг.

Мне захотелось ворваться и закричать, потребовать объяснений, обвинять и всё крушить. Моя любимая жена спала с каким-то мужиком, пока я выкарабкивался из лап смерти и только что выбрала другую жизнь, в которой нет меня.

Одновременно приходит дикая ревность: когда это началось? Как я этого не заметил?

Меня пронизывает холод от мысли, что она была с другим. Но я продолжаю стоять в дверном проёме и слушать её телефонный разговор.

– Саш, я столько лет ждала, поддерживала его, всё надеялась на чудо, и вот он вылечился и всё шло хорошо, и такая ошибка, перепутать сперму. Да ещё и остатки профукать. Это просто какой-то злой рок.

– Пока он болел я не могла родить, ты что! Я за ним, как за ребёнком ухаживала, ты представляешь хоть, что такое химия? Ему всё время плохо, приходилось брать отпуска, сидеть с ним, как с дитём, по больницам кататься, потом санатории, курорты, не до ребёнка было тогда.

– Если честно, я тоже думала всё, но судьба распорядилась по-другому.

Я продолжаю слушать, хотя голос внутри шепчет, что нужно уйти, не устраивать дешёвый, позорный спектакль. Другой голос требует действовать, потребовать правды, не уходить без боя. Внутри паника, а мне так хочется сохранить достоинство. Губы пересохли, пальцы дрожат, в этот момент я осознаю, что ничего не будет прежним, во мне остаётся только чувство пустоты. Каждое слово, произнесённое ею, уносит часть меня, а стою и слушаю, как рушится всё то, ради чего я жил.

– Я больше его не люблю, уже давно отношусь к нему, как к брату, не как к мужчине, – Оля поворачивается ко мне лицом, услышав шорох. – Демид?

Глава 2 – Долгожданная беременность

Лена

Я застыла у зеркала, не веря своим глазам. Моя рука осторожно коснулась плоского живота, где растёт маленькое чудо – наш с Димой ребёнок. После пяти долгих лет безуспешных попыток забеременеть ЭКО подарило нам шанс на счастье.

В дверь постучали, я открыла.

На пороге появился Дима.

Его военная выправка, всегда такая строгая и собранная, безумно мне нравится. Сегодня утром, когда он уходил на работу, я сообщила ему радостную новость.

Он снял заснеженную ушанку и, бросив её на тумбочку, чмокнул меня в щёчку:

– Лен, я должен тебе кое-что сказать.

А я с нетерпением жду, что он сейчас достанет долгожданную бархатную коробочку... сердце моё замирает. Он снимает холодную дублёнку и вешает её на крючок.

– Меня переводят на север.

– Что? Твои частые командировки туда так утомили, а теперь ещё и жить в этом холоде?

Настроение резко портится. Я знала, что военная служба – это всегда неопределённость, но сейчас новость сильно расстроила меня, не хочется, чтобы ребёнок родился и рос там, где нет солнечного света.

– Но есть и хорошая новость, – продолжил Дима, доставая коробочку и открывая её. Я увидела там два золотых обручальных колечка, – нам надо срочно пожениться, тогда нам дадут квартиру побольше. Ты выйдешь за меня? – его обворожительная улыбка сводила меня с ума.

Слёзы радости навернулись на мои глаза:

– Да, конечно, – складывая руки словно в молитве, подношу их к лицу.

– Ну тогда бери коробочку и целуй своего будущего мужа. Через неделю уезжаем. Приедем, сразу поженимся, – приобнимает он меня одной рукой и сразу же отпускает, – чо у нас пожар? Я голодный, как волк, – потирает он руки.

– Картофельное пюре, котлеты, твой любимый салат и компот.

– Класс, накладывай, я руки мыть, – скрывается он в ванной.

А я закрываю заветную коробочку, бегу радостная на кухню и накладываю Диме картошку с котлетами.

Слышу из прихожей мелодичный звук. Звонит телефон Димы. Бегу, чтобы отнести ему, достаю из кармана – незнакомый номер. Дима не любит, когда я трогаю его мобильный, но вдруг что-то важное? Я подхожу к двери ванной комнаты и слышу звук воды. Принимает душ. Блин... Самой, что ли, ответить. Неуверенно двигаю пальцем над кнопкой, решаю взять.

Ещё не успев ответить, слышу недовольный голос какой-то девушки.

– Я уже устала тебя ждать и замёрзла здесь сидеть, ты мне обещал солнце, море и песок. Алло?!

– Ал...ло, – отвечаю я, заикаясь и неуверенно, – это кто?

– Эм... Ой. Простите, я, кажется, ошиблась.

– А кто вам нужен?

– Да я мужу звоню, не знаю, как так вышло, извините.

– Подождите, а как вашего мужа зовут?

– Ииигорь, – растягивает она в недоумении.

– Аа-а, а моего Дмитрий, – с облегчением выдыхаю.

– Ну вот, я же говорю, ошиблась, до свидания, – бросает она трубку.

Возвращаюсь на кухню, кладу телефон на край стола. Выходит Дима.

– Котлетами пахнет, – садится он за стол и бросает взгляд на телефон.

– Девушка какая-то звонила, ошиблась номером, – оправдываюсь я, видя его выражение лица.

– Какая девушка? – он вскидывает на меня глаза, полные тревоги и недоверия, и тут же хватается свой телефон.

– А чего ты так испугался?

– Ничего, просто удивился, мне-то никакая девушка звонить не может.

– Да просто не туда набрала, мужу звонила.

– Ммм... Не трогай больше мой телефон, – его фраза прозвучала не как просьба, а как тихое, но непререкаемое указание.

– Но почему? – во мне закипело возмущение.

– Потому что ты должна мне доверять, – он произнёс это мягко, с нажимом, сделав шаг ко мне. Его взгляд стал тёплым, почти жалеющим. – Иначе какая же это семья? Разве мы не партнёры?

– Я не понимаю! Если тебе нечего скрывать, что такого в том, что я взяла трубку? – я пыталась говорить логично, но в голосе уже наливалась обида.

– Я всё объяснил, – он отрезал, и в его тоне вновь появилась холодность. – Если ты собираешься стать моей женой, ты должна уважать мои границы. Не шариться в моих вещах. Это вопрос уважения.

Обиженно ухожу в зал.

Час спустя захожу в комнату, чтобы отдохнуть. Устала после всех дел по дому, руки отваливаются.

– Дим, может фильм посмотрим? – сажусь на кровать, спрашивая его.

Ответа нет.

Поднимаю голову – Дима играет в свои танчики, в наушниках, не слышит меня совсем. Параллельно с кем-то переписывается. Причём мне никогда не скажет с кем и тем более не покажет. Обидно, но нужно ему доверять. Говорит, что учит меня доверию и почитанию. Так хочется ласки и внимания, но подходить к нему сейчас нельзя, у него важная игра. Не хочу, чтобы он психовал опять. Ему нужно расслабляться после тяжёлой работы.

В дверь звонят. Хочу крикнуть Диме, но понимаю, что бесполезно. Продолжают настойчиво звонить, иду открывать.

Смотрю в глазок, там стоит его брат.

Открываю дверь, он бесцеремонно заваливается с бутылкой водки.

– Зачем так тарабанить?

– У вас пр-праздник, пришёл отме-те-тить, – от него уже слегка несёт.

– Какой праздник, Никита?

– Димон сказал, что ты беременная и вы скоро женитесь.

– Блин, Никита, это не повод бухать.

– Ленка, не нуди как бабка, дай мужикам отдохнуть, – он раскидывает свою обувь и проходит в комнату.

Подходит сзади к Диме и ставит ему перед носом бутылку.

– Опа, дело пошло, – Дима расплывается в улыбке, сдёргивая наушники.

Он тут же глушит комп и хлопает брату по плечу так, что тот крикает. Оба орут что-то и гогочут, как лошади.

– Ну, погнались, жратва на столе. Лен? – Дима бросает на меня взгляд, быстрый и уверенный, будто так и надо. Будто я должна сразу всё понять и не лезть, – нас не беспокоить, мы это... того! – ржёт, смотря на Никиту и щёлкает по горлу. Прихватывает с собой телефон, и они направляются на кухню, хлопая дверью.

Мне очень не нравится, когда к Диме кто-то приходит и они пьют на кухне, закрываясь от меня, словно мне нельзя слушать, о чём они будут разговаривать. Но Дима говорит, что лучше, когда муж бухает дома, а не ходит по кабакам.

Но по кабакам Дима и так ходить не любит, он очень экономный.

Беру плед и заворачиваюсь в него, усаживаясь на кресло перед телевизором. Но я не вижу, что там показывают, почему-то мои мысли заняты той девушкой, что ошиблась номером.

Демид

– Я больше не могу, Демид, – голос Оли эхом разнёсся в моей голове, – этот брак душит меня, понимаешь? Прости... – откладывает она телефон в сторону.

– И давно ты с ним? – цежу, сжимая кулаки.

Оля молчит.

– А я-то идиот думал, что мы семья, что моя жена меня любит и поддерживает. И в огонь, и в воду со мной.

– Демид, послушай, – начинает Оля, а я её перебиваю.

– Нет, это ты послушай. Пока я сдыхал, проходя этот ад, ты тарабанилась с другим мужиком?

– Ты не понимаешь! Ты считаешь мне легко было? Меня никто не поддерживал, а я... устала.

– Тебя надо было поддерживать? – в шоке смотрю на неё, – ты может быть тоже умирала?

– Меня можно понять, столько лет я ждала, мучилась, я так старалась, я заслужила ребёнка, понимаешь?

– Ребёнка да, а причём тут измена? Мы бы нашли выход.

– Мне тоже нужна была поддержка...

– У тебя есть мать, подруги, обязательно было искать кого-то на стороне? – размахиваю руками в бешенстве.

– Ну я ошиблась, я тогда по-другому не могла...

– Не могла не раздвинуть ноги?

– Демид, пожалуйста...

– Оля, а как же наши годы вместе? Мечты? Обещания?

– Послушай, я хочу детей! Что поделать? Так вышло, что у нас их не будет, я даже особо и не надеялась. В эти ЭКО я тоже не верю, сколько людей пишут, что по несколько их делают безрезультатно, а у нас сколько шансов было бы?

– Да ты даже не знаешь, может быть, и с первого бы всё получилось! – ору я прямо на неё, глядя в эти бесстыжие глаза.

– Но не получилось же! – с вызовом отвечает мне жена.

– Может потому, что ты не верила?

– Дём, я больше не хотела тебе врать, я сегодня хотела всё рассказать. Скажи когда тебе удобно и мы поедem подавать документы на развод.

– Когда удобно? Мне удобно, а? – бью кулаком о стену.

– Давай спокойно всё обсудим, мы же взрослые люди, – неуверенно говорит она.

– Вот дрянь! И так спокойно говорит об этом! Ты спала с кем попало, пока я подыхал, а теперь хочешь цивилизованно всё обсудить?

Я двинулся на неё, не помня себя, глаза, наверное, вылезали из орбит. Всё тело тряслось от ярости, сжималось в комок, лишь бы не сделать того, чего нельзя будет исправить.

И тут рука сама взметнулась – резко, неудержимо. Глухой шлепок, голова её дёрнулась назад и тут же вернулась. Она даже не вскрикнула. Только приложила ладонь к расплывающе-

муся красному пятну на щеке и уставилась на меня. Не со страхом, а с бесстрастным, леденящим взглядом.

– Я пойду собирать вещи, поживу у мамы, пока оформим развод, – в её словах чувствовалась усталость и безразличие.

– Катись! Катись, чтобы я больше тебя не видел, лживая сука! – слова вылетали, как камни, направленные в её сторону, сердце пылало от ярости.

Я топтался на месте, не зная, что делать дальше. Моя уверенность сменилась паникой, я теряю опору, я теряю любовь, я теряю семью.

К горлу подкатывается ком, теперь ничего не вернуть назад. Оля разбила все мои надежды на счастливую и долгую семейную жизнь.

Дверь в спальню за ней захлопнулась, и я остался в неизвестности. Свалившись на диван, я прижал руки к лицу и смахнул слёзы.

Лена

Я сижу в кресле у телевизора, но не слышу ни слова из того, что говорят в эфире. Мои мысли поглощены недавним телефонным звонком и странным поведением Димы. Он никогда не позволяет мне смотреть, с кем он переписывается, и всегда держит телефон при себе. Это напрягает, но любовь к будущему мужу заставляет меня закрывать глаза на эти странности.

Мысли роятся в голове, словно назойливые мухи, не давая покоя. Звонок в дверь вырывает меня из этого тягостного состояния. Кто-то настойчиво требует внимания. «Брата с бутылкой не хватило, так и ещё кто-то припёрся», – думаю я, направляясь к двери.

Открыв дверь, я замираю от неожиданности. Передо мной стоит высокий, статный мужчина. На вид ему около тридцати пяти – лет на десять старше меня, промелькнуло у меня в голове. Его уверенный взгляд заставляет меня смущённо запахнуть воротничок халата.

Я нахожу его очень привлекательным.

– Здравствуйте, вам кого? – смотрю на него с опаской.

– Мне Елену Петрову, по срочному делу, – нервно отвечает он, крутя в руках свёрнутые листы А4 в файле.

– Это я, – удивлённо смотрю на него, может он из налоговой? Всё, что приходит мне в голову, – но я Вас не знаю.

– Я Вас пока тоже, но нам придётся познакомиться.

С недоверием смотрю на него.

– Меня зовут Демид... ну дальше неважно... я могу войти? – не дожидаясь приглашения, он заходит, внося с собой холод зимы.

Я немного испугалась, что этого Демиду может увидеть мой подвыпивший Дима, а он очень ревнивый, ещё подумает чего и устроит скандал.

– Простите, у меня муж ревнивый, говорите побыстрее и уходите пожалуйста, – оборачиваюсь я назад, чтобы убедиться, что за спиной нет Димы.

– А у меня вопрос жизни и смерти. Вы беременны? – вдруг выдаёт он.

– А откуда Вы знаете? – округляются мои глаза, – да и какое Вам дело?

– Фух, хорошо, то есть даже не знаю хорошо это или нет для Вас, но точно хорошо для меня.

– Что это значит, не понимаю! Вы кто?

– Отец Вашего ребёнка.

Глава 3 – Ненормальный гость

- Что, простите? – не расслышала я.
- Отец я! Отец...
- Вы с ума сошли, что ли? Уходите лучше. Что за шутки! – выпроваживаю его.
- Да подождите же! – нагло отпихивает он меня.
- Отец моего ребёнка сидит на кухне, со своим братом. И если Вы сейчас же не уйдёте, я закричу.
- Кричать мне, конечно, не хочется. Скандала мне не надо, пусть напугается и уходит сам. Но он кажется и не думает пугаться.
- А Вы красивая... Со здоровьем всё нормально? Генетических заболеваний нет? Как здоровье родителей?
- Вы точно ненормальный.
- Не смотрите на меня так, я нормальный. Это ошибка медицинского центра, где Вы делали ЭКО.
- У Вас точно не все дома, – отхожу от него немного назад, – там ошибки не может быть, никакой.
- Вы в этом центре делали ЭКО? – показывает мне бумаги.
- Неохотно беру их, пробегаю глазами.
- Даже если и в этом, и что?
- А то, что я в этом центре оставил свой биоматериал на хранение.
- Биоматериал? – прищуриваюсь.
- Ну...
- Сперму, что ли? А я-то здесь причём?
- Да при том, что в вашу яйцеклетку ввели мой сперматозоид!
- Что-то я не понял? – сзади раздаётся хриплый, заплетающийся голос Димы. Он стоит, слегка покачиваясь, и пялится на нас пьяными, мутными глазами, упирая ладони в бока. – Лена, про какие сперматозоиды несёт этот тип?
- А это вообще что за пень? – подхватывает его брат Никита, и его голос звучит так же густо и невнятно. – Любовник твой, что ли? Приперся, пока мы тут отдыхаем?
- Мужчина ошибся дверью, – пытаюсь я выдавить из себя, настойчиво толкая Демида к выходу.
- Но он стоит как вкопанный. Его голос режет пьяную духоту комнаты:
- Никакой я не ошибся. Ваша жена вынашивает моего ребёнка, – отчеканивает он, словно говорит что-то естественное, нормальное.
- Я начинаю глохнуть, голова кружится, ну всё, скандала не избежать, а потом доказывай Диме, что я не верблюд.
- Что Вы наделали! Уходите сейчас же!
- Нет, нет, подожди, – Дима хрустит шеей вправо, затем влево, делая два шага вперёд, – пусть расскажет, мне о-очень интересно, с кем спит моя будущая жена, пока я мотаюсь по командировкам.
- Вот это ты, Ленка, попала, – улыбается Никита.
- А ты вообще помолчи, несёшь бред! – затыкаю я его.
- А чё-й-то бред, пусть мужик скажет, – заводится Дима.
- Вообще-то мы не спали, это всё...
- Демид! – перекрикиваю я его, – прошу Вас, уходите отсюда!

Демид понял, что грядёт большой скандал и его грозный вид смягчился, когда он увидел моё лицо с до смерти испуганной гримасой, мне даже показалось, что он переживает за меня, как бы мне от Димы не досталось.

Он осматривает всех ещё раз.

– Знаете... Я, видимо, и правда ошибся, простите, – скручивает он свои документы.

– Если ты ошибся, откуда она знает твоё имя? – Дима разминает плечи.

Но Демид смотрит на него с ледяным, отстранённым равнодушием. Его совсем не колыхает, что Дима говорит с ним с вызовом, а его брат стоит рядом, создавая численный перевес. Двое на одного, но ему абсолютно всё равно.

– Я представился. Но я не к вам... вы, парни, мне не интересны, я к девушке, но походу с дверью ошибочка вышла.

– Ошибочка вышла... а ну иди сюда, – замахивается на него Дима, отталкивая меня в сторону.

Но Демид ловко уворачивается, перехватывает его руку и скручивает Диму так, что тот взывает от боли.

– Эй, ты чё творишь? А ну отпустил моего братана, гнида, – Никита кидается на него, но Демид резко подставляет предплечье, блокируя его размашистый удар. В следующее мгновение он хватает Никиту за запястье, резко выкручивает, и тот с подавленным стоном заворачивается вокруг своей же руки. Демид отпускает Диму и тут же толкает его коленом сзади, он отлетает прямо в другую комнату. Почти тем же движением Демид разворачивает и толкает Никиту – и тот, не успев опомниться, кубарем летит следом за братом.

– Лен, мы ещё увидимся, я видимо не вовремя зашёл, – он говорит тихо, и, отряхиваясь, исчезает за дверью.

– Чо за перец, я не понял? – ковыляет Дима обратно в коридор, держась рукой за спину, – если бы пьяным не был, я бы ему наkostenyl, а щас реакция не та.

– Сказал же человек, ошибся, не слышал, что ли?

– Так это не твой любовник? – потирает руку Никита.

– Какой ещё любовник? Я Диму люблю! – чуть ли не кричу я, – что вообще происходит, а? Один пьяный врывается и несёт какую-то чушь, другие пьяные верят в эту чушь, не разобравшись лезут в драку, – размахиваю руками, – как мне это всё надоело!

И это сработало. Правильно говорят, лучшая защита – это нападение. Мужики стоят вылупившись и молча слушают меня.

– Ленка, ну прости, ты тоже меня пойми, врывается какой-то мужик и говорит про какую-то сперму, я так и не понял ничего.

– Так надо было сначала понять, потом в драку лезть, ошибся он по пьяни, сам же потом сказал.

– Ну ладно, ладно, тихо ты, не ори так!

– А мне вообще нельзя нервничать, я беременная между прочим!

– Очуметь, бывает же такое, – чешет Никита затылок.

– Всё, идите, идите по-хорошему, не лезьте на глаза, – отмахиваюсь от них, уходя в зал. Выдыхаю с облегчением и плюхаюсь в кресло. Ладонь сама ложится на живот.

Демид

Никуда не еду, тупо сижу в машине, размышляя, что делать дальше. Облокотившись на стекло, поднимаю голову и бросаю взгляд на окно, в котором горит свет. Там, за ним, находится девушка, которая носит моего ребёнка.

И она оказалась очень красивой. Только совсем не хочет понимать, что происходит.

Я решил не устраивать скандал лишь потому, что её муж пьян и всё равно ничего не поймёт, сколько не объясняй, только создам ей проблем.

Не могу поехать домой и спокойно рухнуть в постель, когда ничего не прояснилось и непонятно, что будет дальше и вообще, какие действия предпринимать. Чувствую себя отвергательно. Хочу спать. Зеваю и завожу машину. Она уже остыла, и я подмёрз.

План у меня был простой и чёткий: приехать на следующий день, дожждаться, когда её муж утром уедет на работу, и снова постучаться в её дверь – уже наедине.

Но судьба, как всегда, внесла свои коррективы. Дела резко выдернули меня из города – пришлось срочно уезжать в Ярославль. Вернулся я только спустя пять долгих дней, с чувством, что время ускользает, а моя последняя надежда всё так же живёт за тем окном, ничего не подозревая.

На работе меня ждало письмо о разводе и разделе имущества. Ольга требовала нашу квартиру в центре, часть торговых площадей под аренду, дачу и конечно же свою машину.

Сносно. Это гораздо меньше того, что у нас набралось за годы совместной жизни. Можно было бы оспорить торговые площади из-за её измен, но так не хочется хапать негатива и заморачиваться этим, что я всё подписываю и прошу свою секретаршу связаться с её адвокатом и передать документы.

Лена

Поезд на Север, в нашу новую жизнь, уходит сегодня. Я попрощалась с моими родными и нашими соседями, собрала чемоданы. На душе эти несколько дней как-то беспокойно. В голове звенят слова того мужчины, который сказал, что ошибся.

И вот мы с Димой уже идём вдоль перрона на вокзал. В нос бьёт маслянисто-горький запах солёнки и смазки, его разбавляет аромат кофе и булочек в руках у стоящей рядом со мной девушки.

Это всё моя беременность, все запахи стали ощущаться острее и сильно меня раздражать.

На платформе чувствуется холодная металлическая свежесть, почти озон, и запах жжёной резины – тормоза, которые только что утихли.

Всё это смешивается в одно: металл и тепло машин, запах дороги и людей, в конце концов всё это превращается в запах ожидания. Здесь пахнет путешествием.

Наконец мы зашли в зал ожидания и сели. До поезда тридцать минут.

«Мы сядем в поезд и уедем на Север. И всё», – проносится в мыслях снова и снова.

Я собирала вещи с каким-то ледяным спокойствием, но что-то постоянно шёлкало у меня в голове, как будто паззлы рассыпались, но никак не собирались в единую картинку моей жизни с Димой.

Он сидел рядом. Вдруг наклонился завязать шнурок, и я заметила, как экран его телефона загорелся в кармане сумки и погас. Ожидание растянулось. Экран снова загорелся.

Дима взял телефон и немного его наклонил, чтобы я не видела, как он вводит графический ключ. Но краем глаза я всё-таки проследила, как он водит пальцем незаконченный квадрат, рассекая его напополам. Я оживилась. Никогда раньше мне не удавалось подсмотреть как он снимает блокировку.

Я отворачиваюсь и делаю вид, что увлеклась разглядыванием сидящей напротив парочки с ребёнком.

Он что-то ответил и засунул мобильник в боковой карман его спортивной сумки.

– Я кофе куплю, тебе взять? – как ни в чём не бывало спросил он.

– Нет, не думаю, что это будет хорошо для малыша, – отрицательно качая головой, сама думаю о телефоне. Эта мысль навязчиво пожирала меня именно сейчас, до отъезда.

Дима молча встал и пошёл. Я смотрю ему вслед, и с каждым его шагом моё дыхание становится всё прерывистей, сдавленное от нарастающего страха.

Из бокового кармана его сумки торчит угол телефона. Сердце тут же забилося частой, глухой дробью, а внутри зашептал навязчивый голос: «Быстрее, посмотри. Убедись, что всё хорошо. Это просто нервы. Ты должна знать, ты должна успокоиться».

Я жду до тех пор, пока его фигура не растворится в толпе, затем выдёргиваю телефон. Палец сам проводит по экрану запомнившийся минуту графический ключ.

Сердце остановилось.

Экран мигнул и разблокировался.

Руки задрожали так, что стекло стало мутным.

Я судорожно открываю все мессенджеры по очереди, ища какую-нибудь зацепку.

Пальцы лихорадочно листают сообщения от коллег, друзей, знакомых... И вдруг – номер. Без имени. На аватарке: незнакомая девушка в белом, залитая солнцем, с охапкой алых роз в руках и улыбкой до ушей.

Я открываю переписку. И с первой же строчки меня будто сшибают с ног. Я проваливаюсь в пустоту, падаю, а удара о землю всё нет и нет. Воздух вырывается из легких одним коротким, обжигающим выдохом.

«Когда ты уже бросишь свою кикимору и женишься на мне? Сколько я ещё буду ждать? Ты всё только обещаешь!»

А он ей отвечает:

«Киса, она беременна, не могу же я своего ребёнка бросить?! Но ты не переживай, это не помешает нам встречаться, я скоро приеду и на море тебя свожу, а там что-нибудь придумаем!»

Слёзы застилают мои глаза, руки трясутся, но я их смахиваю и продолжаю читать:

«Я тебе пишу вообще-то, чтобы тоже новость сообщить. Я беременна», и прилагает к тексту фотографию теста с двумя полосками.

Я положила телефон на колено и подняла голову, всматриваясь в толпу.

– Ну вот, – шепчу я себе под нос, – ты же хотела всё узнать, получай!

К груди подступила боль – плотная и холодная, сжимая меня как удав.

Смахиваю с лица тёплые и горькие слёзы.

Пытаюсь подобрать слова, которые скажу ему, прикидываю реплики, сочиняю сцену.

И вдруг он возвращается. Дима идёт по залу с кофе и булочкой, живой, довольный, размеренно шагает, словно знает куда идёт и с кем. Он улыбается и садится рядом, лицо его светится, он откусывает мягкую булочку и запивает кофе.

Дима замер, когда увидел свой телефон в моих руках. Его довольная улыбка исчезла, черты лица стали острыми и хмурыми.

– Я же тебе ясно сказал, не брать мой телефон! Опять кто-то звонил? – Строго спросил он, поставив кофе в специальный держатель в чемодане.

Я молчу, не в силах произнести ни слова, только ломка и боль, слова застряли в горле и не находят выхода.

Я смотрю на него и мой рот сам говорит:

– И долго ты собрался врать?

Он моргает, на лице растёт удивление, смешивающееся с раздражением.

– Ты это о чём?

– Я всё знаю, – слёзы снова наворачиваются, и я уже не прячу их.

Ввожу графический ключ и загорается экран его телефона, я показываю ему переписку с этой девушкой.

– Ты с ней уже год переписываешься, я посмотрела. Дура! Какая же я наивная дура! – слова рвутся из меня, душа рассыпается на куски.

– Послушай, ты не так поняла, я сейчас...

– Я с таким трудом забеременела от тебя, прошла через такое сложное лечение и эти все ужасные процедуры, – тихо, с надрывом выдыхаю слова ему в лицо, – а ты давно развлекаешься с другой, да она тебе ещё и рожать собралась.

– Лена, не устраивай прилюдный скандал, я всё объясню, какая-то девушка просто ошиблась, – он снова откусывает булку и запивает, громко прожёвывая.

Мой мир рушится настолько быстро, что мне кажется уже и пол уходит из-под ног. Я едва сдерживаю рыдания, а он тут жрёт передо мной!

Вытираю слёзы. Такое чувство, что все в этом зале смотрят только на нас.

– Лена, отдай телефон, – вдруг вырывает он его у меня из рук, – как ты вообще в него залезла? – протирает экран телефона кофтой, – ты всё выдумала себе, нафантазировала, успокойся.

– Нафантазировала? – бросаю на него обиженный взгляд, – тогда кто это? Может быть твоя сестра? – повышаю голос, прохожие начинают оборачиваться.

– Не позорься, вот сядем в поезд, я тебе всё объясню, – одёргивает меня.

– Ну уж нет, ты мне здесь объяснишь!

– Ну прости, я не знал, что она беременна, для меня это тоже шок! – наконец перестаёт он врать.

– Шок? Что ты несёшь такое? Ты с ней год спал!

– У меня есть ты и наш будущий ребёнок, Лена. Я с ней разберусь, заставлю сделать аборт.

– Ты что такое говоришь? Ты себя вообще слышишь, Дима?

– Ну а что ты хочешь? Чтобы я объяснился? Ну о'кей, я мужик, Лена, я уезжаю в командировки на три месяца, месяц дома и опять, ты думаешь я там что буду три месяца? Терпеть, что ли? – пытается выставить себя жертвой служебных обстоятельств.

– Что? – в ответ у меня только один вопрос, полный обиды.

– Я не собирался с ней серьёзно, так... Я ж не знал, что она зачат. У меня есть ты! Говорю тебе, расслабься, я всё решу. Она сделает аборт и, если хочешь, я даже прекращу с ней видиться? – сделал он бровки домиком.

– Ты ненормальный, – мой голос рвётся из груди.

Тем временем объявляют посадку. Началась суета, люди спешат.

– Лена, пошли, поезд объявили, – хватается меня за руку.

Я вырываю руку, между нами заварушка.

– Десять минут на посадку, Лена, – он вешает на себя пару сумок и тянет чемодан.

Я беру свой и сумочку.

– Я не еду с тобой, Дима, – плачу я навзрыд.

Глава 4 – Новая жизнь

Лена

– Ты никуда не уйдёшь! – рявкнул Дима, хватая меня за локоть, его лицо исказилось от ярости, – у нас ребёнок! Куда ты собралась?

Люди вокруг начали оборачиваться, шепотки пробежали по толпе. Кто-то остановился, с любопытством наблюдая за разворачивающейся сценой.

– Отпусти меня! – вырываюсь я, голос мой дрожит от слёз и гнева, – я не поеду с тобой никуда! Не после того, что узнала!

– Да кому ты нужна будешь с чужим ребёнком? – заорал Дима, его голос эхом отразился от стен вокзала, – работа у тебя вредная, придётся бросить, на шею матери сядешь? Никто тебя с ребёнком не возьмёт, дура!

Несколько женщин рядом с детьми прижали их ближе к себе, отворачиваясь от неприятного зрелища. Старушка в платочке неодобрительно покачала головой.

– Замолчи! – крикнула я, обида разрывала моё сердце, – ты сам всё разрушил!

В этот момент толпа расступилась, и в поле зрения появился знакомый мужчина. Сквозь слёзы я разглядела – это Демид. Его взгляд был твёрдым и решительным. Он увидел, как Дима пытается меня удержать, как я плачу и сопротивляюсь. Не раздумывая ни секунды, он бросился к нам.

– Что здесь происходит? – его голос прозвучал уверенно, перекрывая шум вокзала.

– Уйди, мужик, это семейное дело! – огрызнулся Дима, но тут его глаза расширились, он его узнал, – ааа, это ты... любовничек...

– Неправда, – чуть ли не кричу я от возмущения.

– Не хорошо так с девушкой обращаться, – Демид делает шаг к Диме.

Дима отступает. Люди вокруг замерли, наблюдая за развитием событий. Какая-то девушка достала телефон, готовясь снимать контент. Демид мгновенно отреагировал: выхватив у неё телефон и сделав строгое внушение взглядом, он вернул устройство. Девушка, убрав телефон, тут же скрылась в толпе.

– Ты думал, я позволю тебе забрать моего ребёнка? – спокойно произнёс Демид, глядя Диме прямо в глаза.

Я замерла, но сердце моё бешено колотилось. В голове крутилась только одна мысль: «Что происходит?»

– Какого ребёнка? – прошептала я едва слышно, – моего?

Снова объявили посадку.

– Не теряй времени, токсик, – сказал Демид, загораживая меня от Димы, – твой поезд ушёл, а скоро уйдёт и второй, беги...

Дима плюнул сквозь зубы, глядя на меня с ненавистью:

– Да пошла ты! И этот твой любовник пусть катится! Катитесь вы вместе! Думаете, я не знаю, что между вами?

Демид

Я шагнул вперёд, закрыв Лену собой. Пусть этот псих попырует дотянуться до неё через меня. Мои мысли работали с холодной, животной чёткостью: любой его удар, любой толчок – прямая угроза ребёнку. Выкидыш. Конец. Последний шанс стать отцом. Я не позволю. Только

когда его силуэт растворился в людском потоке, я обернулся. Лена дрожала, как лист на ветру, а слёзы оставляли блестящие дорожки на её бледных щеках.

– Идём, – пробурчал я неуверенно, хотя старался казаться твёрдым. Не люблю, когда девушка плачет. Сразу мурашки по коже.

Я осторожно взял её под локоть, чувствуя, как её тело дрожало от пережитого потрясения. Люди вокруг продолжали наблюдать, перешёптываясь и качая головами.

Я повёл её к выходу из вокзала, взяв сумки. Лена шла словно в тумане, не осознавая, что происходит.

Кто-то задел её плечом, она вздрогнула.

– Не видишь, куда прёшь?! – с психу толкнул мужика в ответ, он огрызнулся.

Лена продолжала молча идти. Её разум отказывался принимать реальность, это чувствовалось по её рассеянному взгляду.

– Всё будет хорошо, – тихо произнёс я, безумно радуясь тому, что успел её перехватить, и радость моя усиливалась тем, что помеха сама собой рассосалась.

Надо же...

Открываю перед ней дверь своей машины:

– Садись.

Я помог ей устроиться на пассажирском сиденье, аккуратно закрыл дверь.

Двигаюсь спокойно и уверенно, вижу, что это немного успокаивает Лену.

Сев за руль, я медленно выехал с парковки. Она смотрела в окно, не обращая на меня внимания. Её мир рухнул, но сейчас рядом я, и я точно знаю, что делать.

Машина выехала на улицу. Я включил спокойную музыку, пытаюсь создать хоть какое-то подобие уюта в этой буре эмоций.

– Доверься мне, – тихо произнёс я, не отрывая взгляда от дороги, – я знаю, что делаю.

Лена закрыла глаза и запрокинула голову, продолжая молчать.

Лена

Всё как в тумане. Я не понимаю, что творится вокруг. Только что моя жизнь рухнула, рассыпалась на тысячи осколков. Дима... мой Дима, за которого я чуть не вышла замуж, с которым планировала строить будущее, оказался предателем.

Демид ведёт машину – огромный внедорожник цвета спелой вишни. Внутри пахнет чем-то свежим, новым, словно машина только что из салона. Когда-то я тоже мечтала о красивом автомобиле, но моих денег хватило только на старенький мерсик класса А.

Я слышу, как Демид что-то говорит, пытается успокоить, но его слова доходят до меня словно издалека: «Доверьтесь мне, я знаю, что делаю». А я... я не знаю, кому верить. Не знаю, что делать дальше.

Мир вокруг размыт, краски потускнели. Всё, во что я верила, оказалось ложью. Он говорил о любви, о нашем будущем, а сам... Как я могла быть такой слепой?

Машина плавно тормозит. Демид помогает мне выйти, ведёт куда-то. Квартира... просторная, красивая. Но мне всё равно. Сил нет даже на то, чтобы осмотреться.

Диван. Мягкий, прохладный. Я опускаюсь на него, не в силах больше держаться. Демид накрывает меня пледом – мягкое прикосновение, почти невесомое.

Слёзы текут по щекам, но я уже не чувствую их. Боль внутри такая острая, что даже плакать сил нет. Всё как в тумане. Последнее, что я помню – его заботливое прикосновение и темнота, которая накрывает меня с головой.

Я засыпаю, не понимая, что ждёт меня впереди. Не понимая, как жить дальше. В голове только одна мысль: «Как же больно... Как же невыносимо больно».

Часы показывают почти полночь. Я открываю глаза и не сразу понимаю, где нахожусь. Тусклый свет от свечи на столике рядом с диваном создаёт причудливые тени на стенах.

Медленно сажусь, ощупывая плед, которым была укрыта. На столике замечаю стеклянный чайник чая, от которой поднимается едва заметный пар – свеча снизу поддерживает температуру напитка. Рядом тарелка с бутербродами и печеньем. Неужели это Демид позаботился обо мне?

Боль накатывает новой волной, стоит только вспомнить Диму. Как я могла быть настолько слепой? Как могла не замечать очевидного? В голове крутятся воспоминания: долгие вечера в одиночестве, пока он в командировках, мои смс, полные любви и верности, которые он едва ли читал.

Я вспоминала, как согласилась на ЭКО, потому что он так хотел ребёнка, а я не могла забеременеть. Говорил о большой семье, о новой квартире, о перспективах в армии. Всё это было лишь прикрытием. А я, глупая, верила каждому его слову, готовилась к переезду, планировала наше будущее.

«К чёрту на кулички», – эхом отзывается в голове фраза. И там, куда я собиралась ехать, у него уже была беременная любовница. Как он мог? Как мог так нагло врать мне в глаза, обещать счастливое будущее, а за спиной строить другое?

Руки дрожат, когда беру чашку чая. Горячий напиток обжигает горло, но я не чувствую боли – душевная боль затмевает всё. Бутерброды кажутся безвкусными, печенье крошится в пальцах.

В голове крутятся его слова, его обещания, его ложь. Каждая минута, проведённая с ним, теперь кажется обманом. Как я могла быть настолько наивной? Как могла не увидеть, что за человек рядом со мной?

Слёзы снова наворачиваются на глаза, но я сдерживаю их. Хватит плакать. Хватит быть слабой. Теперь я должна решить, как жить дальше. Только вот сил на это совсем нет.

Демид

Я вхожу в комнату, услышав шорох.

В комнате по-прежнему полумрак. Лена сидит на диване, её взгляд потерян, устремлён на свечу под чайником.

Подхожу ближе, сажусь рядом, прикасаюсь к её рукам, они ледяные. Наливаю чай, вкладываю чашку в её ладони.

– Проснулась?

– Не совсем, – отвечает она едва слышно.

Её взгляд полон страха и боли.

– Грейся. Голодная?

– Не знаю, – отвечает она, отводя взгляд.

Накрываю её плечи пледом, поправляю прядь волос. Её глаза – удивительного голубовато-серого цвета, полны слёз.

– Всё нормально, жива, здорова. Что плакать?

– Я беременна и без мужа. Моя жизнь кончена.

– Да радуйся, избавилась от придурка. Так бы жила и мучилась с ним.

Она задумалась, а потом произносит слова, от которых у меня земля уходит из-под ног:

– Я, наверное, аборт сделаю.

Меня словно окатывает ледяной водой, и я теряю дар речи.

– Если мужу этот ребёнок не нужен, то и мне не надо...

В голове вихрь мыслей. Это же мой ребёнок! Я пытался ей сказать, но она не хотела слышать. Беру её лицо в свои руки, поворачиваю к себе.

– Но он очень нужен мне! – произношу я, глядя ей прямо в глаза.

В её взгляде – шок, непонимание, испуг. Она отшатывается, словно я ударил её.

– Что Вы говорите? – шепчет она.

– То, что уже говорил, но ты не хотела слушать. Этот ребёнок... он мой.

Она замирает, не в силах пошевелиться. В её глазах буря эмоций: от неверия и страха до надежды.

– Что Вы имеете в виду? – спрашивает она тихо, почти беззвучно, – так то, что Вы говорили у нас дома, правда? – округляет она глаза.

Я медлю, собираясь с мыслями.

– Всё не так просто, как кажется, – отвечаю я, чувствуя, как колотится сердце, – нам нужно серьёзно поговорить.

Я присел рядом с Леной на диван, стараясь не напугать её.

Лена замерла, её руки слегка дрожали.

Я чувствовал, как она вся сжимается от тревоги, а во мне что-то тёплое разливается в груди от её близости.

– То, что я скажу, может показаться невероятным, – начал я, взяв её руку в свою, – но я должен быть с тобой предельно честным.

Она подняла на меня глаза, в которых читался немой вопрос и лёгкая надежда.

– В клинике произошла ошибка, – я говорю медленно, подбирая каждое слово, – твоя яйцеклетка была оплодотворена не спермой твоего... эм... друга, а моей.

– Что... что ты такое говоришь? – прошептала она недоверчиво.

– Это правда, – мой голос стал ещё мягче, – если ты сделаешь аборт, у меня больше никогда не будет шанса стать отцом. Это мой единственный ребёнок, и я не могу потерять эту надежду.

Я смотрю, как она закрывает лицо руками, как её плечи вздрагивают. В моём сердце что-то надломилось от её боли.

– Я понимаю, насколько это неожиданно и тяжело для тебя, – продолжил я, нежно поглаживая её руку, – но я хочу, чтобы ты знала – я не оставлю вас.

Я рассказал ей всё: про хранение спермы, про случайную подмену, про свою отчаянную надежду стать отцом. Мои глаза были полны искренности и мольбы.

– Я прошу сохранить этого ребёнка. Я обещаю, что обеспечу вас всем необходимым. У вас будет своя квартира, всё, что нужно для счастливой жизни. Я буду рядом, буду поддерживать вас обоих.

Лена сидела, обхватив колени руками.

– Хорошо, – наконец прошептала она, и в её голосе прозвучала решимость, – я сохраню ребёнка. Но только ради него.

Я выдохнул с облегчением, моё сердце наполнилось благодарностью. Я осторожно обнял её, стараясь не напугать.

– Спасибо, – тихо произнёс я, прижимая её к себе.

Лена отстранилась от меня.

– Извини, это я от радости. Пока поживёшь в гостевой комнате, а дальше решим, что делать. И кстати, напиши мне свой номер телефона, на всякий...

Глава 5 – Ядовитое прошлое Демида

Лена

Утреннее солнце робко заглядывало в окно, когда я проснулась. Демида не было дома. Странно, но его отсутствие почему-то вызвало у меня щемящее чувство одиночества. Наверное, это потому, что я в чужой квартире, где всё вокруг чужое, незнакомое, и я здесь совершенно одна.

Урчание в животе заставило меня встать. И я решила приготовить себе что-то поесть, чтобы хоть как-то отвлечься от тяжёлых мыслей. На кухне я натянула фартук – такой стильный, красивый, явно подобранный с любовью, – и начала готовить себе завтрак.

Яичница всегда была моим поставщиком утренней энергии, но сегодня руки предательски дрожали. Воспоминания о Диме нахлынули волной, и я не смогла сдержать слёз. Тихо всхлипывая, вытирала их рукавом, стараясь не думать о том, как всё рухнуло в одночасье. О том, как я доверилась человеку, который оказался не тем, кем казался.

Внезапный шум в прихожей заставил меня вздрогнуть. Я отложила лопатку и выключила огонь. Пошла посмотреть, кто там. Наверное, Демид вернулся...

То, что я увидела, заставило моё сердце пропустить удар. В прихожей стояла женщина. Высокая, стройная, с короткой стильной стрижкой, которая удивительно шла к её овальному лицу. Её внешность была яркой, почти вызывающей: выразительные глаза, подчёркнутые идеальным макияжем, пухлые губы, очерченные алой помадой. На ней была дорогая дублёнка, небрежно распахнутая, под ней – элегантное кашемировое платье. От неё пахло дорогими духами, и этот аромат только усиливал ощущение того, что я здесь совершенно не к месту.

Она застыла, увидев меня, а потом её лицо исказила гримаса презрения. Несколько секунд она просто смотрела, словно не веря своим глазам, а затем...

– А ты ещё кто такая и что здесь делаешь? – её голос прозвучал резко, почти визгливо, – да ещё в моём фартуке!

Я замерла, чувствуя, как кровь отступает от лица. В её глазах читалась такая ненависть, что мне стало не по себе. Кто она? И почему этот фартук – её? Неужели она имеет какое-то отношение к Демиду?

В этот момент я почувствовала себя настолько уязвимой и беззащитной, что едва сдерживала слёзы. Всё происходящее казалось каким-то страшным сном, от которого я никак не могла проснуться.

Женщина тем временем сняла дублёнку и, небрежно повесив её на вешалку, снова окинула меня пристальным взглядом.

– Мой муж нанял домработницу? – в её голосе звучала откровенная насмешка.

Я не знала, что ответить. В голове крутились тысячи мыслей, но я смогла выдавить только:

– Да, но я уже ухожу.

– Надо же, а я подумала, что это та девка, которая носит его ребёнка, – смотрит на меня свысока.

Снимая фартук, я направилась на кухню, стараясь сохранять спокойствие, хотя внутри всё дрожало от страха и неопределённости.

Наверное, жена Демида была в командировке или отпуске, – думала я, – и он не знал, что она вернётся раньше. Решил меня оставить в их квартире. Он же сам сказал: «Пока побудешь здесь, а там посмотрим». А она, наверное, решила его проверить и вернулась раньше времени.

Внезапно я услышала, как она заходит в ванную и включает воду. Это стало сигналом к действию. Не теряя ни секунды, я бросилась в прихожую. Быстро надела куртку, сапоги, схватила сумку и шапку и, не оглядываясь, выскочила из квартиры.

Чемоданы... Чемоданы я не взяла! Но ведь домработницы с чемоданами не ходят, правда? Эта мысль промелькнула в голове, пока я неслась вниз по лестнице. Вылетев из подъезда, я остановилась, пытаясь отдышаться. Застегнула куртку, поправила шапку и просто пошла вперёд, не разбирая дороги.

Холодный зимний воздух обжигал лицо, но я почти не замечала этого. В голове крутились мысли одна страшнее другой. Что теперь делать? Куда идти? У меня нет ни денег, ни плана, ни поддержки. Только растущий живот и неопределённое будущее.

Слёзы навернулись на глаза, но я усилием воли сдержала их. Нельзя показывать слабость. Нужно думать. Где я могу остановиться? С родителями я ведь вчера попрощалась. Боже мой, я совсем про них забыла. Я ведь даже не позвонила им, чтобы всё объяснить... Я шла по улице, погружённая в свои мысли, не замечая прохожих. Впереди маячила неясная перспектива, и я не знала, что ждёт меня за поворотом.

Я зашла в ближайшее кафе и заказала поесть.

Демид

Я вхожу в квартиру с букетом цветов и пакетом продуктов, полный надежд увидеть Лену. Нет, это не любовь с первого взгляда – я просто очень рад тому, что я всё-таки стану отцом и, как могу, буду оберегать своего ребёнка и его мать. А цветы... так...

Кричу:

– Лена!

Вместо неё появляется... Ольга. Её самодовольная улыбка вызывает у меня приступ раздражения.

– Кого потерял, милый? – её голос сочится сарказмом.

Внутри всё закипает, но я стараюсь держать себя в руках.

– А ты что здесь забыла? Ты же со мной развелась!

Она вздёргивает нос:

– А это моя квартира, ты забыл? После суда она осталась за мной.

Во мне поднимается волна горечи. Как она может быть такой холодной после всего, что между нами было?

– У меня есть месяц, чтобы выехать, – отвечаю сдержанно. – Мы договаривались.

– Не успели развестись, уже шалопендр таскаешь сюда! – её голос сочится ядом.

Слова бьют по больному. Как она смеет? После всего, что сделала сама.

– Послушай, Оля, – говорю спокойно, хотя внутри всё кипит, – не тебе судить о том, что происходит в моей жизни сейчас. Ты сама сделала свой выбор.

– Мне ничего не оставалось, если честно, я не верила, что ты поправишься, я думала...

– Что я сдохну? Ну, как видишь, не сдох!

Она краснеет от злости:

– Как ты смеешь так говорить! Я столько с тобой натерпелась, неблагодарный!

Бросаю букет на столик. Цветы кажутся неуместными в этой атмосфере ненависти.

– Я найду Лену. И мы во всём разберёмся. А ты... просто оставь нас в покое.

– Лену? Значит, так зовут твою шалашовку!

– А вот сейчас лучше заткнись! – подвожу палец к её вздёрнутому носу.

– А то что? – шипит она мне в лицо.

В её глазах читается ненависть, та же самая, с которой она смотрела на меня, когда уходила к своему любовнику.

Разворачиваюсь и ухожу, оставляя её стоять посреди комнаты. Пусть думает что хочет. Главное – найти Лёну и всё объяснить. Она должна понять, что всё это – просто чудовищное недоразумение.

Спускаясь по лестнице, я чувствую, как внутри растёт решимость. Я найду её. Объясню всё. И мы вместе разберёмся с этой ситуацией. Потому что теперь у меня есть то, ради чего стоит жить – мой будущий ребёнок. И никто, даже бывшая жена не имеет права мешать мне помогать своему малышу.

Лёна

Я зашла в уютное кафе и села у окна. Заказала горячий облепиховый чай – именно то, что нужно в этот холодный день. Чай всегда помогал мне собраться с мыслями, и сегодня он был особенно вкусным.

Пока ждала заказ, стала вспоминать о Диме. В голове сами собой начали всплывать его черты, и я решила составить список – что же в нём было хорошего?

Плюсы:

Он красиво ухаживал в начале отношений, у него была приятная улыбка...

А вот минусов оказалось куда больше: постоянно критиковал мои увлечения, не хотел знакомить с друзьями, считал, что я должна подстраиваться под его график, никогда не шёл на компромисс, обзывал моих подруг «пустыми», не поддерживал мои карьерные амбиции, не уважал моих родителей...

Пока я перечисляла всё это в уме, передо мной поставили чашку с чаем. Я сделала глоток и задумалась о том, от чего я отказывалась ради него. Список получился внушительный: отказалась от курсов по фотографии, перестала встречаться с подругами, бросила любимое хобби – рисование, перестала путешествовать с семьёй, стала больше работать.

А что же он? От чего отказывался ради меня? Ни от чего. Абсолютно.

Внезапно меня осенило – я столько времени потратила на человека, который даже не ценил того, что я делала для него. Все эти слёзы, переживания, боль – они были из-за тюбика, который не стоил ни одной моей слезинки.

Я допила чай и посмотрела в окно, рассеянно наблюдая за прохожими. И вдруг... Моё сердце замерло. По дорожке быстро шла знакомая фигура, постоянно оглядываясь, словно кого-то искала. Демид. Он вездесущий какой-то!

Заметил меня через окно, резко остановился. В его взгляде читалась такая глубокая печаль и вина, что у меня защемило сердце. Он стоял там, за стеклом, и смотрел на меня так, будто хотел что-то сказать, но не мог найти слов.

А я смотрела на него в ответ. В моих глазах, наверное, тоже читалась боль – боль от всего произошедшего, от непонимания, от страха перед будущим. Я не знала, что думать. Его жена, эта квартира, его отношение ко мне...

Но в глубине души я понимала – он не хочет мне зла. Он просто хочет позаботиться о своём ребёнке. А я... Я боюсь идти к родителям. Они ведь даже Диму не приняли, а теперь узнают, что я ношу ребёнка чужого мужчины. Как они это воспримут?

Наши взгляды встретились, и на мгновение время словно остановилось. В его глазах я видела искреннее беспокойство, желание защитить, позаботиться. А в моих, наверное, он читал страх и неуверенность.

Он всё ещё стоял там, за окном, не решаясь войти. А я не знала, хочу ли я, чтобы он вошёл. Слишком много вопросов, слишком мало ответов.

Демид

Я стоял как вкопанный, увидев Лену через окно кафе. Сердце забилося чаще – она была такая хрупкая, такая одинокая, сидя у окна с чашкой чая. Не мог больше стоять снаружи, вошёл внутрь.

Подожёл к её столику, чувствуя, как неловко складывается ситуация.

– Лена, можно присесть? – голос прозвучал тише, чем я ожидал.

Она подняла глаза, и я увидел в них смесь страха и надежды. Кивнула, не говоря ни слова.

– Послушай, насчёт Ольги... Я должен объяснить. Мы в разводе, и та квартира – это сложный момент. Она имеет право там находиться.

Лена опустила глаза, теребя край салфетки.

– Я понимаю, не стоит объяснять.

– Нет, подожди. У меня есть дом. Небольшой, но уютный. Я могу подготовить его для нас. Пока мы останемся в квартире, но через несколько дней сможем переехать туда.

Она подняла на меня глаза, в которых читалось сомнение.

– Я... я могу как-то сама, правда. Не хочу быть обузой.

Я взял её руку – такую маленькую, такую беззащитную.

– Лена, ты не обуза. Ты носишь моего ребёнка. И я обязан позаботиться о вас обоих. Это мой долг, моё право и моё желание.

Она попыталась отнять руку, но я удержал её.

– Послушай, я понимаю твоё смущение, твоё недоверие. Но я говорю серьёзно. У меня есть средства, есть возможности. И я хочу использовать их для того, чтобы обеспечить будущее моему ребёнку.

В её глазах промелькнуло что-то похожее на облегчение.

– Но твоя жена...

– Ольга – это прошлое. Она сделала свой выбор, когда решила уйти. Теперь у меня есть будущее, и оно связано с нашим ребёнком.

Я вижу, как она борется с собой, как пытается принять эту новую реальность.

– Я... мне нужно подумать.

– Конечно. Но знай, я не отступлю и скоро перестану быть для тебя чужим. Скоро я всё улажу.

Я отпустил её руку, но не ушёл. Заказал кофе, сел напротив. Пусть она знает, что я рядом, пусть привыкнет. Не представляю, каково есть сейчас. После расставания сидеть в кафе с каким-то левым чуваком и выслушивать его обещания лучшей жизни. Как женщина понимает, что может доверять?

Глава 6 – Ложь во благо

– Это худшее завершение года, – устало смотрю на него.

– Вовсе не худшее, ты жива, здорова, беременна от мужчины, который тебя не бросит, всё не так уж и плохо. Тебе есть с кем встречать новый год?

– С родителями, но они думают, что сейчас я еду с Димой на север.

Демид серьёзно посмотрел на меня:

– Значит скажешь им, что твои планы поменялись. Приедем их поздравить и ты их познакомишь с отцом твоего будущего ребёнка.

Эти слова Демида словно ударили меня током. Я замерла, не в силах пошевелиться. Новый год с родителями... Представление его как отца моего ребёнка... Ложь о любви...

– Ты... ты серьёзно? – прошептала я, чувствуя, как кровь отступает от лица.

Он кивнул, словно это была самая естественная вещь на свете.

– Да. Это будет лучшим выходом для всех.

– Ты не знаешь моих родителей.

– Твои родители всё поймут, я уверен. Ребёнок будет расти в полноценной семье.

Я покачала головой, пытаюсь осознать происходящее.

– Но... это же неправда! Я не могу просто взять и соврать им!

Демид вздохнул, наклонился ко мне через стол.

– Послушай, Лена. Я не предлагаю тебе ничего плохого. Просто... упростим ситуацию. Твоим родителям не нужно знать все детали. Главное – они будут знать, что их дочь не одна, что у ребёнка есть отец, который заботится о вас.

Его слова звучали так разумно, но внутри меня всё протестовало против этой идеи. Ложь... Снова ложь... После всего, что произошло.

– А как же быть честной? – тихо спросила я, – разве не лучше сказать всё как есть?

Он пожал плечами:

– Правда иногда слишком тяжела для восприятия. Особенно для родителей. Они ведь любят тебя, хотят для тебя счастья. А счастье – это когда всё хорошо, когда семья вместе, когда ребёнок растёт в любви.

Я опустила глаза, глядя на наши руки – его ладонь всё ещё лежала на столе, рядом с моей. Он не настаивал, не хватал меня за руку, но эта близость действовала на меня странно успокаивающе.

– Но я не могу просто притворяться... – прошептала я.

– Никто не просит тебя притворяться. Просто дай этому плану шанс. Подумай о ребёнке. О его будущем.

Его слова медленно, но верно проникали в моё сознание. Может быть, он прав? Может быть, действительно стоит подумать о том, что лучше для малыша?

– А как же ты? – спросила я, поднимая глаза, – ты готов к такой... игре?

Демид улыбнулся, и в этой улыбке было что-то такое искреннее, что заставило меня поверить – он действительно думает о будущем.

– Я готов ко всему, лишь бы мой ребёнок был счастлив. А теперь... давай поговорим о том, как мы это сделаем.

Я всё ещё колебалась, но его уверенность, его готовность взять на себя ответственность... Вероятно, это действительно выход?

– Хорошо, – прошептала я, – но только ради ребёнка.

Лена

Зимний Питер...

Город, который раньше казался мне волшебным, теперь выглядит таким же серым и унылым, как моё будущее. Снежные хлопья кружатся за окном и тают на асфальте, но их красота больше не трогает моё сердце. Только боль и тревога заполняют его.

Демид говорит, что всё будет хорошо, но как он может это гарантировать? Я не знаю, что ждёт меня впереди. Незнакомая квартира, чужой мужчина. И я, беременная женщина, которая не понимает, куда катится её жизнь.

– Куда мы едем?

– В ту квартиру, где ты оставила чемоданы, – отвечает Демид, – я же говорил, пока живём там.

– А как же твоя жена?

– Она не посмеет приехать.

– Это большой вопрос, я сомневаюсь...

Мы подъехали к дому. Поднялись по лестнице. Демид открыл дверь, и я вошла в квартиру. Я тут как на другой планете.

Скидываю верхнюю одежду и иду на кухню – нужно помыть грязную посуду, которую я оставила в спешке.

Я застыла, не в силах пошевелиться. То, что я увидела на кухне, заставило меня замереть от ужаса – стены и кухонный гарнитур были исписаны алой помадой. Грубые, оскорбительные слова в наш адрес покрывали все поверхности.

– Господи... – прошептала я, чувствуя, как голос предательски дрожит.

Демид зашёл следом за мной, его лицо мгновенно исказилось от гнева, но он сохранял спокойствие. Он увидел то же, что и я, и теперь понимал, почему я так отреагировала.

– Вот чертила начертила, – процедил он сквозь зубы, – идиотка...

Я хотела немедленно оттереть это всё, но он остановил меня.

– Ты что творишь?

– Как что? – непонимающе. – Не оставим же мы это так.

– Как раз-таки наоборот. Мы ничего трогать не будем. Эта квартира по суду принадлежит Ольге, пусть сама разбирается со своими выходками.

Его хладнокровие немного успокоило меня, хотя внутри всё клокотало от возмущения и обиды. Как она могла опуститься до такого?

– Я не могу здесь оставаться, – прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает ком, – просто не могу.

Он кивнул, понимая моё состояние.

– Я и не настаиваю. У меня есть другое место, где мы можем остановиться.

Демид быстро собрал мои вещи, которые я успела распаковать. Его движения были уверенными и решительными, хотя кулаки то и дело сжимались от ярости.

– Пойдём, – тихо сказал он, помогая мне надеть пальто, – здесь нам больше делать нечего.

Я не задавала вопросов. Сейчас я была готова пойти за ним куда угодно, лишь бы подальше от этого кошмара.

Мы вышли из квартиры. Демид запер дверь, бросив последний презрительный взгляд на исписанную кухню.

– Забудь об этом, – твёрдо произнёс он, – у неё нет права так поступать, но пусть это останется на её совести.

Я лишь молча кивнула. В этот момент я поняла одно – что бы ни случилось дальше, я должна держаться за этого человека. Ради себя. Ради нашего ребёнка. И ради того, чтобы забыть этот кошмарный день как страшный сон.

Машина медленно ехала по заснеженной дороге, увозя нас всё дальше от города. Зимний пейзаж за окном казался каким-то нереальным – пушистые сугробы, голые деревья, припорошенные снегом, и редкие огоньки в окнах частных домов.

– Приехали, – тихо сказал Демид, останавливая машину перед большим домом.

Я с любопытством посмотрела на здание. Оно выглядело уютным несмотря на то, что было погружено в полумрак. Только в одном окне горел свет.

– Это твой дом? – спросила я, выходя из машины.

– Да, – ответил он, помогая мне выбраться, – пойдём, нужно разжечь камин.

Демид повесил на плечо свою спортивную сумку, в другую руку взял мой чемодан, и мы пошли.

Внутри дом оказался ещё красивее, чем снаружи. Высокие потолки, просторные комнаты, старинная мебель. Но было холодно. Очень холодно.

– Ты мерзлячка? – вдруг спрашивает он.

– По мне видно?

– Вон как глаза выпучила, сейчас из орбит вылетят.

Я лишь сжала губы сильнее.

– Я говорил, что надо подождать, я не подготовил дом. Но ничего, сейчас всё наладим, – сказал Демид, доставая какие-то инструменты, – отопление нужно включить, камин растопить.

Он двигался по дому как хозяин, знающий каждый уголок. То проверял трубы, то колдовал над камином, то бегал в подвал. А я сидела в большом кресле, чувствуя, как холод пробирается до костей.

Вскоре он принёс мне пушистый плед, тёплые тапочки из овчины, которые оказались удивительно удобными.

– Держи, – сказал он, протягивая чашку горячего чая с вареньем. – Я заказал еду из ресторана, скоро привезут. Ты это, не вегетарианка случаем?

– Да вроде нет... – промямлила я, накрываясь пледом.

Пока Демид возился с отоплением, он постоянно заботился обо мне.

Натягивал мне на ноги шерстяные носки, поправлял сползший плед. Да и просто стоял рядом, о чём-то размышляя и посматривая за мной, будто я чего-нибудь натворю или сбегу.

Постепенно дом начал оживать. Камин затрещал, разгоняя холод своими языками пламени. В воздухе появился приятный запах древесины. Демид то и дело проверял температуру, бегая между комнатами.

– Скоро станет тепло, – говорил он, улыбаясь. – Всё будет хорошо, не переживай.

Его забота была такой искренней, такой настоящей. Он не просто выполнял обязанности – он действительно беспокоился обо мне. И это немного успокаивало, несмотря на всё происходящее.

Вскоре привезли еду. Демид сам расставил всё на столе, нарезал хлеб, открыл сок.

– Давай поужинаем, – предложил он, – тебе нужно поесть.

И хотя я всё ещё была не в своей тарелке, его забота и внимание постепенно помогли мне расслабиться. В этом доме, несмотря на первоначальный холод, я начала чувствовать себя в безопасности.

Мы сидели за столом, а я в паузах между едой жаловалась о том, как пришлось всё бросить ради Димы. Демид слушал внимательно, не перебивая.

– А ты чем занимаешься, Лена? – спросил он, когда я замолчала.

– Я мастер маникюра, – ответила я, погружаясь в воспоминания, – но сейчас, когда я беременела, я больше работать не буду. Для ребёнка вредны все эти химические пары и ногтевая, гелевая пыль. Я и кабинет свой закрыла, когда Дима сказал, что уезжаем, всегда делала как он говорил, верно ждала его из командировок, а он... – вздохнула я, чувствуя, как боль от предательства снова накатывает волной.

– Я не много болтаю? – спросила я, опустив глаза, – Диме это не нравилось...

– Верная жена? – вздохнул Демид, – ему очень повезло, он просто не понял этого... и сам всё испортил.

– Судя по твоему вздоху, твоя жена тоже не была верна тебе? – спросила я, чувствуя, как между нами возникает какое-то странное доверие.

– Я болел... рак, – начал он, и его голос стал тише, – сдал биоматериал в банк спермы, на всякий случай. Но до последнего надеялся, что если вылечусь, то заведём с женой детей без медицинской помощи. А она, оказывается, не ждала моего исцеления и завела себе любовника. А я вот выкарабкался, и всё узнал.

– Да уж, – прошептала я, – это очень печально. Я тебя понимаю, капец как понимаю...

В комнате повисла тяжёлая тишина. Огонь в камине тихо потрескивал, отбрасывая причудливые тени на стены.

– Комнаты сегодня не прогреются, – сказал Демид, – придётся спать на диване, возле камина.

Я с испугом посмотрела на него. Его синие глаза, глубокие и пронзительные, словно видели меня насквозь. В них читалась искренность и какая-то странная нежность.

– Да не бойся, – улыбнулся он, – я к тебе не прикоснусь.

– А вдруг, – прошептала я, – этот ребёнок всё же Димин?

Он посмотрел на меня, долго, тяжело. Его глаза, цвета летнего неба, сейчас казались особенно выразительными. В них читалась уверенность и внутренняя сила.

– Нет, ошибки быть не может, – сказал он спокойно, – точнее, ошибку, конечно, допустили, но это... идеальная ошибка.

Я всё ещё сомневалась.

– Но всё же, я не могу поверить, что такая ошибка возможна.

– Лен, – он наклонился ко мне, – мы сделаем ДНК-тест, и всё станет ясно. Но я уверен, что ребёнок мой.

Такой искренний взгляд, просто эталон честности. Я было поверила... на все девяносто девять процентов. Но тот самый один процент оказался упрямым сволочём.

Глава 7 – Соперница

Лена

Я с тоской смотрю на огонь в камине. Его тёплые отблески играют на стенах, создавая уютную атмосферу. Демид хлопчет, расстелив спальник на медвежьей шкуре перед камином.

– Завтра достану ёлку, где-то была в подвале, – говорит он.

– Правда? У нас ёлка будет? – оживляюсь я.

– Ну какой Новый год без ёлки?!

– А у тебя дома не было...

– Мы развелись, не до этого было, – пожимает он плечами.

Оглядываю комнату – она великолепна. Стены из отполированного дерева, каждая прожилка которого рассказывает свою историю. Пол залит эпоксидной смолой, под которой видны причудливые корни древнего дерева, тянущиеся к могучему стволу. Ствол поднимается к самому потолку, создавая впечатление, будто дом вырос из этого дерева. Это настоящая сказка, ожившая в реальности.

– Почему твоя жена этот дом не забрала? Он же такой красивый? – не могу не спросить я.

– Он её никогда не интересовал, – отвечает Демид, – она дама светская, любит жить в центре города. Вода в системе не прогрелась, так что душ придётся отложить на утро.

– Ничего, значит, помоемся утром. Может, убрать посуду? – предлагаю я.

– Не беспокойся, – отмахивается он и сам принимается за уборку.

Я погружаюсь в странное ощущение нереальности происходящего. Как в сказке. Но резкий звонок телефона возвращает меня к действительности. Бросаю взгляд на экран – женское имя «Ника». Демид тут же выключает звук:

– С работы, потом перезвоню...

Что-то царапает внутри. Какой-то тревожный звоночек, словно дежавю. Так же бывало с Димой, когда он что-то скрывал. Но я тут же одергиваю себя – это не моё дело. У него может быть тысяча причин.

– Меня не касается, кто тебе звонит, ты не должен отчитываться, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Мои слова явно ставят его в тупик. А у меня на душе становится неприятно.

– Я, наверное, вернусь к родителям... – произношу тихо.

– Лена, не торопись, – перебивает он меня, – сначала отцовство подтвердим, потом уже поговорим обо всём, а сейчас ложись спать.

Я укутываюсь в толстое, невероятно тёплое одеяло, опускаю голову на мягкую подушку и чувствую, как усталость накатывает волной. Сон приходит незаметно, убаюканный треском поленьев в камине и теплом этого странного, но уютного дома.

Проснулся я рано, как обычно. В доме было тихо. Лена ещё спала. Осторожно, чтобы не разбудить её, собрал вещи и отправился в душ. Вода наконец-то прогрелась, и это было настоящим блаженством после вчерашнего холода.

На кухне оставил записку для Лены: «Буду к обеду. Не волнуйся, всё хорошо. Д.»

Дорога до офиса заняла больше времени, чем обычно – утренние пробки делали своё дело. В приёмной меня встретила секретарша:

– Доброе утро, Демид Александрович. У вас посетительница...

– Кто? – я напрягся, предчувствуя неладное.

– Подруга вашей жены, Вероника Олеговна. Я просила её подождать в приёмной, но она прошла в ваш кабинет, – испуганно смотрит.

– Раз все кому не лень проходят, ты тут зачем сидишь? – вырвалось из меня нехорошим тоном.

– Простите...

Я тяжело вздохнул. Не хотел обидеть.

– Не принимай близко к сердцу, настроения нет совсем.

– Я понимаю...

Делать было нечего – пришлось идти разбираться.

В кабинете меня встретила Ника – ярко покрашенная, надушенная, в слишком откровенном наряде для делового визита. Она грациозно поднялась с кресла и направилась ко мне.

– До тебя не дозвониться, вот, решила поймать тебя на работе, – проворковала она, расцеловывая меня в обе щеки.

Я отступил на шаг, стараясь сохранить дистанцию. Её появление здесь было более чем странным. Что ей нужно? Очередные интриги Ольги? Или она сама что-то задумала?

– Ника, чем обязан такой чести? – спросил я, стараясь держать голос ровным.

Она томно вздохнула, оправляя платье, и присела на край стола, явно демонстрируя больше, чем следовало.

– Просто хотела поболтать, узнать, как твои дела... Мы же друзья, правда?

Друзьями мы никогда не были. И её внезапный визит явно нёс в себе какой-то подвох. Нужно было поскорее выпроводить её отсюда.

– Что насчёт встретить вместе новый год?

Какая муха её укусила?

– Не могу, прости... – с трудом сдерживаю раздражение, пока Ника продолжает свои заигрывания. Её настойчивость начинает действовать на нервы.

– Я всё же приглашаю тебя.

– Спасибо за приглашение, но не смогу, – отвечаю максимально вежливо, пытаюсь освободить свою руку из её цепких пальчиков.

– Тебя уже кто-то украл в новогоднюю ночь? – мурлычет она, придвигаясь ближе.

– Нет, я к родителям поеду, – отвечаю сдержанно, стараясь не вдаваться в подробности.

– Какие родители, милый? Давай отметим на полную! – её голос становится слаще мёда.

– С друзьями? – уточняю я.

– Конечно с друзьями! Будут все наши, ну и парочка новеньких, – щебечет она.

– И моя бывшая жена там будет со своим... любовником?

– Ой-й. Ну будет, а что ты переживаешь? Ты тоже будешь не один, придём как пара.

Я вспоминаю, что я всегда нравился Нике, даже ещё до того, как я женился на Ольге. Она подружилась с Ольгой, стала частью нашей компании, часто бывала в нашем доме. Но бывшая жена, кажется, никогда не замечала её чувств. Или просто игнорировала.

– Ник, я так не могу. Я только развёлся, ещё слишком рано.

– Ты говоришь как женщина, которую бросили! Да перестань, расслабься и получай удовольствие, – пытается она повиснуть у меня на шее.

Очень аккуратно, чтобы не обидеть, убираю её руки:

– Правда, не могу сейчас.

– Ой, сердце нашего шикарного мужчины разбито?! Так я вылечу! – снова закидывает руки мне на шею, – я же давно тебя люблю, глупый, ещё до Ольки. Неужели ты не видишь? Дай мне шанс. Я лучше неё...

– Не спорю, конечно, лучше, – соглашаюсь я, понимая, что спорить с такой женщиной себе дороже, – но не сейчас, правда, мне нужно прийти в себя, побыть одному.

Открываю дверь кабинета и аккуратно выталкиваю её:

– Но я не прощаюсь с тобой, милый, – бросает она напоследок.

Натягиваю улыбку и закрываю дверь. Выдыхаю с облегчением.

Сажусь за стол и, потирая руки, открываю ноутбук. Нужно проверить завершённые заказы за месяц. Работа помогает отвлечься от неприятных мыслей.

Но как только я думаю о доме, о Лене, о том, как мы вместе нарядим ёлку, в голове начинают возникать картины будущего. Представляю, как наш малыш растёт, как он ждёт меня у окна, когда я возвращаюсь с работы. Как Лена хлопочет на кухне, готовит пирог, а с духовки распространяется уютный аромат выпечки. Как мы вместе украшаем ёлку, смеёмся, делимся мечтами о будущем.

Эти мысли настолько яркие и живые, что я ловлю себя на том, что улыбаюсь, представляя эту картину. В груди разливается тёплое, нежное чувство. Я не ожидал, что смогу снова испытывать такие чувства после всего, что произошло. Лена... Она другая. Нежная, ранимая, но при этом сильная. Она прошла через предательство, как и я.

Мысли о ней вызывают улыбку. Представляю, как она будет украшать ёлку, как будет выбирать игрушки, как будет заботиться о нашем ребёнке. Наш ребёнок... Это звучит так правильно, так естественно.

Работа идёт медленно, мысли постоянно возвращаются к дому. К Лене. К тому, как она, наверное, ждёт моего возвращения. К тому, как мы вместе будем готовиться к Новому году. Ну вот, опять! Хочется по щеке себя ударить.

– Проснись, чёрт, проснись! – хлопаю по столу, чтобы отвлечься от мыслей. Чем больше отвлекаюсь, тем больше времени понадобится на всё про всё.

Через пару часов отпускаю секретаршу.

Пора домой. К Лене. Наконец-то.

К теплу и уюту, которые она приносит в мой дом. К тому особенному чувству, которое я начал испытывать рядом с ней – чувству дома, семьи, будущего.

Спускаясь к машине, я уже предвкушаю нашу встречу. Представляю, как она обрадуется, увидев меня. Как мы вместе будем планировать наши дальнейшие действия. Как я буду заботиться о ней, оберегать её и нашего малыша.

В груди разливается тепло, и я понимаю, что, возможно, это начало чего-то действительно важного в моей жизни. Чего-то настоящего и искреннего.

Выезжаю с парковки. Дорога кажется бесконечной, хотя обычно я преодолеваю этот путь быстро. Мысли только о ней.

Подъезжаю к дому, паркуюсь. Тихо открываю дверь, отряхиваюсь от снега и первое, что обрушивается на меня – потрясающий аромат выпечки.

Этот запах особенный, не такой, как в кондитерских или кафе. В нём чувствуется домашняя простота, искренность и забота. Он смешивается с теплом камина, создавая неповторимую атмосферу уюта.

– Демид! – слышу её голос из кухни, – раздевайся скорее, я испекла пирог!

Снимаю верхнюю одежду, ощущая, как тепло дома обволакивает меня. Иду на кухню и вижу Лену, она стоит у стола, на котором красуется румяный пирог.

– Я нашла в холодильнике немного сметаны и яиц, – смущённо говорит она, – решила попробовать испечь что-нибудь простое.

Разбираю пакеты с едой, которые привёз с собой, а Лена хлопочет вокруг, наливая чай в большие кружки.

– Попробуй, – протягивает она мне кусок пирога.

Откусываю – и замираю. Простое сочетание сметаны и сахара создаёт удивительный вкус. Это не шедевр кондитерского искусства, но в нём есть что-то особенное – тепло рук, забота, желание порадовать.

– Лена, это невероятно вкусно, тает во рту, – искренне говорю я.

Она улыбается и её щёки покрываются лёгким румянцем.

– Это потому, что я добавила масло.

Садимся за стол, и я замечаю, как она светится от гордости и счастья. Мы едим пирог, пьём чай, и в этот момент весь мир кажется правильным и на своём месте.

– Если честно, я не думала, что у меня получится, ведь я его стряпала не по рецепту, – признаётся она.

– У тебя отлично получилось, – говорю я, наблюдая за ней.

Мы сидим молча, наслаждаясь моментом.

– Спасибо тебе, – вдруг тихо говорит она, – за то, что тогда приехал на вокзал.

Эти слова трогают меня до глубины души. Я молча киваю, не находя слов.

Позже, когда мы убираем со стола, я понимаю, что этот простой вечер стал одним из самых важных в моей жизни. Потому что в нём было то, чего мне так не хватало. Тепла, заботы и искренности.

Перед сном я ещё раз пробую кусочек пирога, и улыбаюсь.

Ника

Ника не могла смириться с тем, что Демид отверг её. Её самолюбие было задето до глубины души. Да и второй раз упускать такого мужчину, да ещё и с деньгами ей очень не хотелось. После разговора в офисе она не уехала, как обычно, а решила проследить за ним.

Слежка оказалась на удивление простой – Демид медленно ехал, явно никуда не торопясь. Ника держалась на безопасном расстоянии, стараясь не привлекать внимания. Когда его машина свернула к небольшому загородному дому, она припарковалась в стороне и стала наблюдать.

Спустя некоторое время, убедившись, что за ней никто не следит, Ника осторожно подкралась к дому. Пригибаясь и прячась за кустами, она добралась до окна гостиной. То, что она увидела, заставило её застыть от изумления.

За столом сидела совсем юная девушка. Совсем девчонка – хрупкая, изящная, с лёгкой, почти подростковой фигурой. Они с Демидом сидели так близко друг к другу, пили чай, о чём-то тихо разговаривали, и вид у них был такой... такой... семейный.

Ника буквально прилипла к окну, пытаясь разглядеть их получше. Девушка казалась такой незащищённой, такой ранимой... Но именно эта незащищённость почему-то разозлила Нику ещё больше.

– Ах вот значит с какими «родителями» ты будешь встречать Новый год, Демид... – прошипела она, сжимая кулаки, – молодая, неопытная! Ну ничего, дорогуша, – процедила она, – посмотрим кто кого.

В её голове уже начал складываться план. Ника привыкла получать то, что хочет, и, если эта юная выскочка думает, что сможет увести у неё Демиду – она жестоко ошибается. Ника знает все приёмы, как добиться своего, и эта история ещё только начинается.

Отошла от окна она с решительным выражением лица. В её глазах горел огонь соперничества. Эта девушка ещё пожалеет, что связалась с Демидом, думала она. А Демид... он ещё вспомнит все те моменты, когда отвергал её.

Глава 8 – Спекталь

После чаепития с пирогом я предложил:

– Знаешь, давай всё-таки достанем ёлку. Время как раз подходящее – до Нового года осталось совсем немного.

Лена с радостью согласилась. Вместе мы спустились в подвал, где среди старых коробок я нашёл большую, пушистую ель.

– Смотри, какие игрушки у меня сохранились, – сказал я, доставая коробку, – Это ещё от бабушки остались.

В коробке оказались старинные стеклянные шары, фигурки ангелов и блестящая мишура. Лена не могла скрыть своего восторга.

Мы вернулись в гостиную, и я установил ёлку в углу комнаты. Пока я закреплял подставку, Лена развесила по стенам гирлянды. Мерцающие огоньки создали волшебное настроение.

Постепенно ёлка оживала под нашими руками. Каждый шарик, каждая игрушка занимали своё место. Мы работали молча, хотя в этом было что-то особенное – будто мы создавали не просто новогоднее украшение, а строили что-то важное и личное.

Когда последние игрушки заняли свои места, я зажёл огонь. Комната наполнилась мягким светом, и ёлка засияла.

Лена, уставшая от всех этих хлопот, прилегла на диван возле камина. Глаза её медленно закрылись, и она погрузилась в сон. Я, заметив это, осторожно накрыл её тёплым пледом.

Я стоял, глядя на спящую девушку, на её умиротворённое лицо. В этот момент я почувствовал, как что-то тёплое разливается в моей груди. Это было странное, давно забытое чувство – чувство дома, семьи, будущего.

Тихо, чтобы не разбудить Лену, я направился в спальню. Перед сном я ещё раз взглянул на ёлку, на спящую девушку, и улыбнулся. Впервые за долгое время я чувствовал, что делаю что-то по-настоящему правильное.

Лена

Утро встретило меня тёплыми лучами солнца и ароматом яичницы. Демид уже хозяйничал на кухне, и я, сонно потирая глаза, присоединилась к нему.

Сегодня у нас важный день – поездка к моим родителям. Представляю их лица, когда они увидят меня не с Димой, а с Демидом. Мама, наверное, упадёт в обморок от шока. Как объяснить им, что произошло? Что я осталась с совершенно незнакомым человеком, который старше меня, да ещё и развёлся...

Демид ловко управлялся у плиты, а я подавала ему нужные продукты. Каждый раз, когда он оборачивался, его лицо озарялось улыбкой. Я не могла понять, что такого особенного он нашёл во мне. За ним, наверное, бегают толпы девчонок модельной внешности. Он же такой... идеальный: красивый, богатый, добрый. Зачем я ему?

Телефон снова завибрировал на столе. Демид поморщился, отключил звук и положил его экраном вниз.

– Снова с работы? – улыбнулась я.

Он посмотрел на меня как-то странно, будто читал мои мысли.

– Да... Знают же, что я в выходной и после восьми не работаю, но всё равно называют, – ответил он, словно оправдываясь.

В этот момент телефон зазвонил снова. На этот раз Демид ответил. Оказалось, курьер. Через пять минут он вернулся с большой коробкой.

– А это тебе, – поставил он коробку перед диваном.

– Мне? А что там?

– Посмотри.

Я осторожно открыла коробку, и у меня перехватило дыхание. Внутри лежала роскошная норковая шубка с капюшоном.

– Зачем? – только и смогла вымолвить я, округлив глаза.

– Маме моего ребёнка должно быть тепло! Твоя курточка слишком тонкая, не хочу, чтобы ты заболела.

– Спятил? – вдруг вырвались слова. – Я не могу это принять. Она же безумно дорогая...

– Об этом не волнуйся. Бери и носи с удовольствием.

Я стояла, не в силах пошевелиться. Неужели это происходит со мной? Как будто в сказке оказалась. Только вот сказка эта может очень быстро закончиться, стоит родителям узнать всю правду.

– Но... но это же слишком дорогой подарок! – пролепетала я, всё ещё не решаясь прикоснуться к роскошной вещи. Я в жизни не носила такого.

Демид подошёл ко мне, аккуратно достал шубку из коробки и накинул мне на плечи. мех оказался таким мягким, что я невольно провела рукой по воротнику.

– Примерь, – мягко сказал он, – посмотри в зеркало.

Я послушно повернулась к зеркалу. В отражении стояла совсем другая девушка – уверенная, красивая, в роскошной шубе. Но это была я... только какая-то не я, незнакомая.

– Тебе очень идёт, – тихо произнёс Демид за моей спиной, – ты заслуживаешь всего самого лучшего.

Его слова заставили меня смущённо опустить глаза. С чего он взял это? Толком меня не знает...

– Я не могу это принять, – снова начала я, но он перебил:

– Можешь и примешь. Это не обсуждается. А теперь давай собираться – нам скоро выезжать к твоим родителям.

Я поправила капюшон, чувствуя, как мех приятно щекочет щёки. В этой шубе я чувствовала себя по-другому – более значимой, важной, но совсем не в своей тарелке. Вместе с тем внутри росла тревога: как отреагируют родители на такой подарок? Что они скажут, увидев меня в таком наряде с незнакомым мужчиной?

Пока Демид собирал вещи в дорогу, я пыталась собраться с мыслями. В голове крутились тысячи вопросов, но больше всего меня мучил один: почему он так добр ко мне? Что движет им? Неужели он правда чувствует то же, что и я?

Мы вышли из дома. Демид галантно открыл передо мной дверь машины, и я, укутавшись в новую шубу, села на пассажирское сиденье. мех приятно согревал, но внутри всё равно было холодно от волнения.

– Готова? – спросил Демид, устраиваясь за рулём, – знаешь, давай сначала заедем в торговый центр. Нужно купить подарки твоим родителям.

Я удивлённо посмотрела на него:

– Не нужно, правда... Они и так будут рады просто нашему приезду.

– Нет, так не пойдёт, – улыбнулся он, – такие встречи должны быть особенными.

Машина плавно тронулась с места, направляясь в сторону торгового центра. Я смотрела в окно, пытаясь собраться с мыслями. Что ждёт нас впереди? Примут ли родители эту новую реальность? И главное – что будет дальше между мной и Демидом?

В голове крутились мысли о предстоящем визите, о подарках, о том, как объяснить родителям всё, что произошло. А Демид, словно чувствуя моё напряжение, включил спокойную музыку и время от времени ободряюще улыбался мне.

Мы вошли в квартиру родителей, и я сразу заметила их изумлённые лица. Мама застыла с салатом в руках, папа, вытирая руки полотенцем, замер, а сестра, сидевшая на кухне, чуть не уронила чашку.

– Добрый вечер, – первой опомнилась мама.

Я глубоко вздохнула и представила Демида:

– Мам, пап, познакомьтесь – это Демид.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Демид стоял рядом со мной, держа в руках пакет с подарками. Гости, собравшиеся на предновогодний ужин, с любопытством поглядывали в нашу сторону.

– Я представила ему родителей, отец пожал ему руку.

– Проходите к столу, – наконец очнулась мама, стараясь сделать бесстрастное выражение лица, – будем знакомиться поближе.

Пока Демид усаживался за столом рядом с родственниками, и они начали знакомиться с ним, мама с папой отозвали меня на кухню.

– Лена, что всё это значит? Где Дима? Почему ты с этим... мужчиной? На сколько он тебя старше? Он не женат? – накинулась на меня мама.

Я набрала в грудь воздуха и выложила всё как есть:

– Дима мне изменял. Я узнала об этом и... – я рассказывала это будто в трансе, по-другому бы эти слова просто не вылезли из меня, – в отместку изменила ему с Демидом. Но потом выяснилось, что я влюбилась. И он тоже. А ребёнок... ребёнок оказался от Демида.

Родители переглянулись. В их глазах читалось недоверие, но и понимание.

– Знаешь, – неожиданно сказала мама, – этот Демид мне даже нравится больше, чем твой Дима. Вон какой статный, серьёзный, сразу видно, а Дима твой вечно хамил и был не воспитан. А Демид бизнесмен наверное?

– Мам, ну какое значение имеет его статус? – попыталась я перевести разговор в другое русло.

– Большое, – отрезала она, – это он тебе шубу подарил?

Я кивнула.

– Ну вот, – удовлетворённо произнесла мама, – настоящий мужчина. Не то что твой Димка – даже позаботиться о тебе как следует не мог.

Когда мы вернулись в комнату, мама буквально расцвела. Она то и дело подкладывала Демиду в тарелку самые вкусные кусочки, наливала сок, интересовалась его работой и жизнью.

Демид держался с достоинством, отвечал на вопросы, улыбался, и я видела, как постепенно лёд между ним и моими родителями тает.

Часы пробили двенадцать, и в воздухе разлилось особое новогоднее волшебство. Звон курантов наполнил комнату, все начали обниматься и поздравлять друг друга с Новым годом.

В этот момент зазвонил телефон Демида. Он мгновенно отреагировал – отключил звук и перевернул его экраном вниз. Я заметила его движение и невольно подумала: «Наверное, это снова Ника».

Моя сестра, раскрасневшаяся от шампанского, первой подошла к нам:

– Дорогие Лена и Демид! Желаю вам огромного счастья в Новом году!

Её слова подхватили остальные родственники, и вскоре вся комната наполнилась искренними пожеланиями.

– Горько! – вдруг выкрикнула сестра, и все поддержали её возгласами.

Родственники подняли бокалы, а я почувствовала, как сердце забилось чаще.

«Это Новый год, а не свадьба!» – хотелось прокричать мне.

Демид стоял так близко, что я ощущала тепло его тела.

Я распереживалась, вдруг он не хочет, а из-за родственников теперь ему придётся целовать меня... Было стыдно. Но вдруг его взгляд, полный нежности, встретился с моим. В этот момент время словно остановилось, только моё сердце продолжало нагонять обороты и уже почти выскакивало из груди.

Он наклонился ко мне, а я будто в пол выросла, просто опустила глаза на его приближающиеся пухлые губы. Секунда, и они уже касались моих.

По животу прошла горячая волна.

Поцелуй был таким искренним, таким настоящим, что для меня все вокруг словно растворились.

Были только он и я.

Когда мы отстранились друг от друга, в комнате раздались посвистывания и одобрительные возгласы. Я понимала, что это всего лишь спектакль для моих недалёких родственников, но где-то в глубине души так хотелось, чтобы это было по-настоящему.

Демид извинился и сказал, что хочет позвонить своим родителям и поздравить. Он взял телефон и вышел в коридор. А меня терзают мысли о том, что он может позвонить ей – Нике.

Глава 9 – 1 января

Демид. На следующее утро

Проснулся на рассвете. За окном чёткая, морозная тишина и снег по колено. Всё белое, застывшее, будто мир за ночь вымыли до блеска. Солнце било сквозь иней на стекле, слепило глаза. Прямо как на тех дурацких открытках, которые все обожают, – слишком идеально, чтобы быть правдой.

Тихо, чтобы не разбудить Лену в другой комнате, встал и подошёл к окну. Обычно топаю, как слон. Оля всегда говорила мне об этом.

Снег шёл, не переставая. В такую погоду почему-то верится, что можно всё начать сначала. С чистого, этого белого листа.

Перед делами заглянул к ней в спальню. Лена спала, уткнувшись лицом в подушку, вся съёжившись под одеялом. Выглядела беззащитной. Именно так, как должно быть в нормальном доме – тихо, мирно, по-семейному. Та самая картинка, которую я себе всегда представлял.

Полное умиротворение.

От неё в квартире и правда становится теплее. Хочется её беречь. Чтобы она всегда вот так спала спокойно, под этой крышей.

Но тут же голова включается и ставит всё на свои места.

Во-первых, она не моя. Не по-настоящему. Где-то в мыслях у неё, наверное, ещё витает тот парень. Ди-мо-чка.

Во-вторых, ребёнок. Что, если он действительно от этого балбеса? – эта мысль не давала покоя. Но даже в этом случае я понимал, что не смогу просто так уйти. Она стала слишком важной частью моей жизни.

Тихо вышел из спальни и направился во двор. Снег приятно хрустит под ногами. Работая лопатой, я размышлял о будущем. Нужно будет свозить Лену по магазинам – у неё совсем мало вещей. Она заслуживает всего самого лучшего.

В этом простом занятии, чистить снег, есть что-то успокаивающее. Мысли становятся яснее. Я понял одно: независимо от результатов теста, я хочу быть рядом с ней. Хочу создать настоящую семью. И если она согласится, готов пойти до конца.

Работая, я улыбался своим мыслям. Впервые за долгое время будущее кажется не просто светлым – оно кажется полным смысла и надежды.

Я как раз заканчивал чистить дорожку, когда услышал звук подъезжающей тачки. Сердце ёкнуло – интуиция редко меня подводила. Через минуту в калитку вошла она. Ника. Без звонка, без предупреждения, как к себе домой.

«Твою ж...» – мысленно выругался я. Лена спит в доме, и встреча с Никой ей точно ни к чему.

– О, привет, милый! – пропела она, демонстративно оглядывая меня с ног до головы, – как тебе идёт грести снег лопатой!

Я молча поставил инструмент у сарая, стараясь сохранять спокойствие.

– А я вот ехала от наших друзей, – продолжала она, – Сухановых, помнишь? Они тут неподалёку живут. И вижу твою машину. Думаю, дай заеду в гости. Пригласишь на чай?

Внутри закипало раздражение, но я сдержался.

– Я бы с удовольствием, – ответил максимально вежливо, – но, к сожалению, срочно нужно уехать. Как раз закончил и шёл переодеться. Работа ждёт.

– Ну какая работа первого января? – усмехнулась она.

– У офисных работников выходные, – пожал я плечами, – а я работаю постоянно.

– Понимаю, – кивнула Ника, – иначе бы не был тем, кто есть.

- Точно, – согласился я, уже мысленно прикидывая, как побыстрее её выпроводить.
- Ну ладно, – протянула она, – заеду как-нибудь другой раз.
- Был рад увидеть, – открыл я калитку.

Ника вышла, бросив на меня недовольный взгляд. Её машина медленно тронулась с места, а я с облегчением выдохнул. Только сейчас заметил, как вспотели ладони. Нельзя было допустить их встречу с Леной. Никак нельзя.

Возвращаясь внутрь, решил заглянуть в спальню к Лене. Она всё ещё мирно спала, укутавшись в одеяло. Из сумки, лежавшей на кресле, торчали какие-то бумаги.

Я подхожу ближе, стараясь не разбудить её. Осторожно, почти не дыша, достаю документы. На обложке поблескивает эмблема медицинского центра. Сердце заныло.

Пробегая глазами по строчкам, я замираю.

– Не понял... – шепчу себе под нос.

По документам выходит, что отцом ребёнка действительно был тот самый Дима.

«Она верит этим результатам, – пронеслось в голове, – а если это правда? Если врач ошибся?»

Мысли вихрем кружились в голове. Ещё недавно я был в ярости от того, что кто-то без моего ведома использовал мой биоматериал, и незнакомая девушка носит моего ребёнка, а не моя жена. А теперь... теперь я сам отчаянно хочу, чтобы эти документы оказались ошибочными!

«Что со мной творится? – думал я, сжимая в руках бумаги, – я чувствую себя полным идиотом. Сначала негодовал из-за этой ситуации, а теперь сам цепляюсь за надежду, которая может оказаться иллюзией».

Я аккуратно положил документы обратно в сумку.

В душе разгорался конфликт. Разум говорил одно, а сердце требовало другого. Но я начал сомневаться...

Лена

Утро выдалось удивительно солнечным. Я лежала в кровати, наслаждаясь теплом и уютом, пока не услышала звук за окном.

Осторожно поднявшись, я подошла к окну. Демид расчищал дорожку в ограде – сосредоточенный, серьёзный, в тёплой куртке, которая подчёркивает его широкие плечи.

Вдруг в ограду зашла женщина. Рыжие волосы, яркая одежда, уверенная походка... Она что-то говорила Демиду, а он, казалось, слушал её с интересом.

«Это она», – промелькнуло в голове. Та самая Ника, звонки которой он постоянно сбрасывал. Может, не хотел палиться?

Сердце сжалось от внезапной боли. Я не ожидала, что почувствую такую ревность. Ещё совсем недавно я страдала по Диме, была готова простить его измену, если бы он только попросил. А теперь... Теперь я ревновала Демида к этой незнакомке.

«Что со мной творится? – думала я, прижимаясь лбом к холодному стеклу. – Почему я так реагирую? Ведь он, наверное, просто проявляет вежливость».

Но боль не уходила. В голове крутились мрачные мысли: «А что, если я ему безразлична? Что, если он держит меня здесь только из-за ребёнка, а сам с ней? А если ДНК-тест покажет, что ребёнок не его? Тогда он точно выгонит меня, и мне придётся вернуться к родителям».

Я отвернулась от окна, чувствуя, как внутри нарастает тревога. Почему я позволила себе привязаться к нему? Почему позволила себе поверить, что между нами может быть что-то настоящее? Человек всего лишь был добр ко мне, а я уже надумала себе!

Сев на кровать, я обхватила колени руками. Солнечное утро больше не радовало. В душе царил пустота и неуверенность в завтрашнем дне. Я решила снова погрузиться в сон, чтобы забыться, иначе мысли атаковали меня...

Демид вошёл в дом, аккуратно снял заснеженную куртку и повесил её на крючок. Я всё ещё стояла на втором этаже, в своей спальне, не в силах пошевелиться от охвативших меня чувств.

Собравшись с духом, я приоткрыла дверь и осторожно выглянула в коридор. Хотела спуститься вниз, но замерла, увидев Демиду. Он стоял возле стены с плазменным телевизором, что-то искал в комод.

Вскоре его руки нашли небольшой альбом. Он сел на диван, включил какой-то новогодний фильм на фоне и начал листать страницы.

В своих тёплых носках я начала бесшумно спускаться по лестнице, стараясь не выдать своего присутствия. Спрятавшись за колонной, я увидела, как Демид остановился на одной из фотографий.

На снимке была его бывшая жена Ольга. Он рассматривал фотографию с какой-то особенной, почти болезненной задумчивостью, не торопясь перелистывать дальше. Его лицо выражало сложную гамму чувств – то ли грусть, то ли ностальгию.

Я стояла, затаив дыхание, наблюдая за ним. В этот момент между нами словно выросла невидимая стена из невысказанных слов и тайн. Что же в этих фотографиях? Что он там ищет?

Моё сердце билось всё чаще. Почему-то вид того, как он рассматривает эти снимки, вызывал во мне странное, необъяснимое волнение. Я не могла оторвать взгляд от его сосредоточенного профиля.

Я начала спускаться по лестнице, уже не пытаясь прятаться. Демид заметил моё появление и поспешно захлопнул альбом. Его движение показалось мне каким-то... виноватым?

Мы встретились взглядами. В его глазах промелькнуло что-то неуловимое, но он быстро взял себя в руки.

– Приготовить что-нибудь? – спросила я, стараясь говорить как можно непринуждённое.

– Да, я помогу, – ответил он с той самой нежной улыбкой, от которой у меня замирало сердце.

На кухне мы занялись салатом. Его заботливые вопросы о моём самочувствии заставляли меня краснеть. Я чувствовала, как между нами растёт что-то большее, чем просто вежливость.

Новогодний фильм создавал уютную атмосферу, и настроение Демиды становилось всё лучше. Мы разговаривали, смеялись, и время летело незаметно.

Внезапно раздался кашель. Тихий, но отчётливый. Мы обернулись, готовые улыбнуться неожиданному гостю...

И замерли. На пороге кухни стояла она – Ольга, бывшая жена Демиды.

Её появление заморозило воздух вокруг. Улыбки застыли на наших лицах, а затем медленно сползли.

– Что тебе здесь надо? – голос Демиды прозвучал холодно и резко, в нём звенела сталь. Внутри меня всё сжалось от напряжения. Что теперь?

Демид

Дверь открылась, и меня как чем-то тупым по башке ударило. Вошла, будто так и надо. Будто не она тогда всё испортила, нашу жизнь в хлам разнесла. Спокойная, наглая, будто в гости зашла.

А в груди предательский удар под дых. Знакомый запах, силуэт... Эта дрянь, которую я каждый день пытаюсь выкинуть из головы. Ненавижу себя за эту слабость.

Она прошлась по прихожей, в обуви, хозяйским взглядом померила всё – стены, вещи, Лену мою. На Лене взгляд задержался, холодный, свысока. Потом на ёлку уставилась. Сучка высокомерная. Шубу норковую – раз, на кресло, как тряпку. У меня аж в глазах потемнело. После всего, что было, она ещё и павлином тут расхотелась.

– Надо поговорить, – бросила она твёрдо, как команду. Будто у неё право осталось что-то требовать.

Внутри всё закипело. Ярость смешалась с чем-то едва тлеющим и знакомым. Но я это дерьмо тут же затоптал. Вспомнил, как она тогда уходила к своему упырю.

Взглянул на Лену. Она вся сжалась, как струна. Не её это дело. Не её война. Не должна она это видеть.

Поговорить? – выдавил я сквозь зубы. – О чём? О том, как ты по мне как по грязи тогда прошлась? Или как семью нашу в мусорный бак выкинула?

Мысли путаются. Часть меня хочет выгнать её вон, другая – услышать, что она скажет. Но я знаю – ничего хорошего из этого не выйдет.

Смотрю на Лену, и злость на Ольгу только усиливается. Не позволю ей видеть меня слабым и заметить мои сомнения.

Что молчишь? У тебя две минуты, – добавляю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – И говори по существу.

Глава 10 – Прошрое стучится в дверь

Лена

Я чувствовала, как земля уходит из-под ног. Эта женщина... она смотрела на меня с таким презрением, будто я была пустым местом. Её слова, её тон – всё было пропитано ядом.

«Девчонка», «девка» – как она смеет так меня называть? Но я понимала – лучше уйти. Не хочу быть частью их разговора, не хочу слышать то, что они будут говорить друг другу.

Демид кивнул мне, словно давая разрешение уйти. Его взгляд был таким... усталым. Я видела, как он борется с собой, как пытается сохранить самообладание.

Когда я вышла из кухни, то прислонилась к стене, пытаясь унять дрожь. Что она хочет? Зачем пришла? И почему её появление так сильно задевает Демида?

Слышала, как она просит чай, как позволяет себе эти мерзкие комментарии. «Мелкая шалашовка» – эти слова резанули по сердцу. Почему она так себя ведёт? Разве не она предала Демида?

До меня доносились обрывки их разговора. Ольга говорила о новогодней атмосфере, о том, как уютно у нас в доме. Но было очевидно, что за этой показной вежливостью скрывается что-то тёмное и неприятное.

Сердце сжималось от тревоги. Что будет дальше? И как это повлияет на мою жизнь, на моё будущее с Демидом? Если, конечно, у нас вообще есть какое-то будущее...

Демид

Её голос звучит вкрадчиво, почти шёпотом, но каждое слово бьёт наотмашь:

– Послушай, Демид. Я знаю, ты злишься, но... Мы столько лет вместе. Неужели из-за какой-то случайности ты готов разрушить всё, что у нас было?

Я сжал кулаки, стараясь сдержать рвущееся наружу раздражение. Как она смеет? После всего, что сделала.

– Та «случайность», как ты выражаешься, носит моего ребёнка, – процедил я сквозь зубы, – а ты никогда не сможешь сделать того, что делает она.

Ольга придвинулась ближе, её рука коснулась моего колена. От этого прикосновения меня передёрнуло.

– Ну что ты, в самом деле? Поразвлекался и хватит. Теперь пора вернуться к нормальной жизни. Я всё осознала, правда.

– Осознала? А как же тот мужик, а? Не сошлось? – иронично вылетело, будто переживаю за её отношения.

– Тот мужчина... он оказался совсем не тем, кем казался.

Смешно слышать такое.

– А как же твои планы на новую жизнь? – спросил я, глядя ей прямо в глаза. – Ты ведь так уверенно шла к своему счастью.

– Всё меняется, Демид. Мы можем начать заново. Ты, я... Наш дом, наша семья.

– Наш дом? – я усмехнулся. – Это мой дом, Оля. И я сам решу, кто в нём будет жить.

Она не унималась:

– Давай поступим разумно. Ты купишь той девушке квартиру, будешь платить алименты... А мы с тобой...

– Замолчи! – рявкнул я. – Хватит этих манипуляций. Ты думаешь, я не вижу, что ты просто не смогла построить новую жизнь и вернулась?

Ольга изменилась в лице:

– Ты жесток, Демид. После стольких лет...

– После твоих измен? После того, как ты растоптала всё, что было между нами? Нет, Оля. Она попыталась встать, но я остановил её:

– Постой. Я хочу, чтобы ты поняла одну вещь. То, что ты называешь «развлечением» – это настоящая жизнь. Лена – не игрушка, которую можно отбросить, когда надоест. И я не собираюсь её бросать.

В её глазах мелькнула злость:

– Думаешь, она останется с тобой? Из-за ребёнка?

– Неважно, что ты думаешь. Важно то, что я знаю: Лена достойна уважения, которого ты никогда не заслуживала.

Ольга поднялась, её лицо исказила гримаса:

– Ты ещё пожалеешь об этом, Демид.

– Возможно. Но я буду жалеть не о своём решении, а о том, что не принял его раньше. Она направилась к выходу, бросив через плечо:

– Это ещё не конец. Сам будешь умолять вернуться!

Я не стал париться с ответом. Внутри, конечно, штормило – злость, безразличность, кусок какого-то старого дерьма, которое она снова подняла. Но голова была ясная: решение принято, и оно железное.

Дверь за Ольгой закрылась. Остался один в этой духоте. Тишина вдавила в кресло, но в то же время я наконец вдохнул свободнее. Её фразы ещё догоняли, как эхо в пустой башке: «Ты ещё пожалеешь». Угрожала, блин. После всего, что было, эти слова – как картонным мечом махать. Никакого веса, одна поза.

Поднялся, подошёл к окну. За стеклом – снегопад, всё замедляет. Странная штука: ещё пару дней назад жизнь казалась разваленной в хлам. А сейчас? Сейчас есть Лена. Есть ребёнок на подходе. Есть хоть какой-то маршрут, а не просто болото.

Мысли о ней согревали душу. Она была полной противоположностью Ольги – искренняя, чистая, настоящая. И я не позволю никому её обидеть. Особенно бывшей жене.

Внутри меня боролись противоречивые чувства. С одной стороны, я испытывал облегчение от того, что наконец-то поставил точку в этих отношениях. С другой – какая-то часть меня всё ещё цеплялась за прошлое. Но я понимал, это просто привычка, не более.

Я вспомнил, как Ольга говорила о «нашей семье». Нашей больше не было. Была моя семья – та, которую я только начинал строить с Леной. И я был готов бороться за неё.

В груди разливалось странное тепло. Впервые за долгое время я чувствовал, что иду правильным путём. Что делаю то, что должен.

Нужно было найти Лену. Она, наверное, волнуется. Я должен успокоить её, объяснить, что всё в порядке. Что она может не бояться моей бывшей жены.

Но прежде чем пойти к ней, я глубоко вздохнул, пытаюсь унять бурю эмоций внутри. Теперь всё будет по-другому. И я никому не позволю это отнять.

Лена

Я металась по комнате, не в силах найти себе места. Что она ему сказала? О чём они говорили? Мысли кружились в голове, словно осенние листья на ветру.

Прислушивалась к каждому звуку из гостиной, но слышала только шум телевизора и приглушённые голоса. Что теперь будет? Вдруг он простит её, потому что сильно любит? Он просто вышвырнет меня?

В груди разрасталась тревога. А вдруг Ольга убедила его, что я всего лишь временное увлечение? Что он должен вернуться к ней? Ведь они столько лет вместе... А я чужая здесь, незваная гостья, попавшая в их жизнь по ошибке.

Каждой клеточкой тела чувствовала, как внутри всё сжимается от страха. Если он решит, что я должна уйти, смогу ли я это пережить?

Прижимала руки к груди, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце.

Вдруг услышала, как хлопнула входная дверь. Ольга ушла. Я опустилась на кровать, обхватив колени руками. Такое чувство, что жду решения Демида «казнить нельзя помиловать». И не знаю, что у него в голове.

В горле стоял ком. Хотелось выбежать, спросить его обо всём прямо, но гордость не позволяла. Приходилось ждать, мучаясь неизвестностью и страхом.

А вдруг он сейчас идёт к двери, чтобы попросить меня уйти? Эта мысль была настолько болезненной, что я зажмурилась, пытаюсь прогнать её прочь.

Когда дверь моей комнаты открылась, я замерла.

– Лена, прости за эту неприятную ситуацию, – его голос звучал мягко, почти нежно, – моя бывшая жена иногда теряет границы дозволенного.

Я молча кивнула, не зная, что сказать. Его искренность обезоруживала.

– Я обещаю, что сделаю всё возможное, чтобы она больше не беспокоила тебя, – продолжал он, внимательно глядя мне в глаза.

В его взгляде не было ни тени осуждения или неприязни. Это немного успокоило мои расшалившиеся нервы.

Демид протянул руку, помогая мне подняться с кровати. Его ладонь была тёплой и сухой.

– Пойдём доделаем тот салат с курицей? А то авокадо почернеет, – предложил он вдруг.

На кухне я резала авокадо, а он разбирал контейнер с курицей-гриль. Воздух в доме всё ещё пах духами этой Ольги – сладкими и навязчивыми.

– В армии у нас был один мужик, – начал Демид, не глядя на меня. – Он одно время считал, что сгущёнка с чёрным хлебом идеальный ужин. Месяц так продержался, пока у него пломбы не посыпались.

Я фыркнула. Он бросил на меня быстрый взгляд – в уголках глаз мелькнуло что-то похожее на облегчение.

– Вот, – продолжил он. – А авокадо у нас, конечно, не водилось. Только тушёнка, да гречка вечная.

Я скинула нарезку авокадо в общую миску. Он скривился.

– Ты уверена, что салат обязательно с этим делать? – пробурчал беззлобно.

– Это полезно, – парировала я, подвигая миску к нему.

– Полезно, – передразнил он тихо, но взял вилку и попробовал кусочек.

– Ну как?

Его лицо скривилось, он неохотно прожевал и заставил себя сглотнуть.

– Вкусно, – выдавил он.

Мы засмеялись.

– Да ладно, я же не заставляю... Ешь, что хочешь.

Он с облегчением вздохнул, подшучивая надо мной.

Когда мы сели за стол, то его колено под столом наткнулось на моё. Не отодвинул. Поел немного, снова поморщился.

– Ладно, – сдался. – Пусть будет твоё авокадо. Только кинь ещё горсть орехов, чтоб перебивало.

Досыпала ему. Наши пальцы едва коснулись.

– Слушай, Лен, – сказал он вдруг, откладывая вилку. – Я с ней договарюсь. Окончательно. Чтобы ты даже не вспоминала.

Я не отвечаю. А что на такое отвечать? Я всё ещё чувствую себя тут на птичьих правах.

– Доверяешь? – спросил просто.

Я кивнула. Он протянул руку через стол, и я положила свою ладонь в его. Большая, тёплая, чуть потная от напряжения. Он сжал её. Не нежно, а крепко.

Доедали почти молча. Но тишина уже не давила.

Он встал, чтобы налить воды, и его рука на секунду легла мне на затылок – тяжело, по-мужски. Не погладил, просто дотронулся. И отошёл.

А я сидела и смотрела на его спину, на эти широкие плечи, которые только что были напряжены, а теперь просто висели, как обычно. И, кажется... сходила от них с ума.

2 января

День тянется медленно и тоскливо. Демид уехал на работу, пообещав скоро вернуться. Я сижу в гостиной, рассеянно переключая каналы в поисках чего-нибудь новогоднего. На экране мелькают знакомые сцены какой-то комедии, но мысли далеко.

Внезапно телефон вибрирует в кармане. Сообщение от Димы.

Дима.

Его имя на экране заставляет сердце пропустить удар.

«Привет. С Новым годом, любимая. Я соскучился!»

Пальцы замирают над экраном. Что мне делать? Отвечать или нет?

Проходит пять минут, и приходит новое сообщение:

«Что молчишь? Я же вижу, что прочитано. Нам надо поговорить. Я всё ещё тебя люблю»

Я сижу, уставившись в экран, не в силах пошевелиться. В голове кавардак.

«Всё ещё?» Ну спасибо!

Третье сообщение приходит:

«Ты же не собираешься игнорить отца своего ребёнка?»

Отца своего ребёнка. Эти слова звучат как насмешка. Как он смеет так говорить после всего, что сделал?

Не выдержав, я набираю ответ:

«Вообще-то ты меня предал! Как ты можешь писать, как ни в чём не бывало?»

Ответ приходит мгновенно:

«Я вообще-то мужчина, я всё могу. Нам надо переговорить. Или ты не поняла?»

Я пишу, что не собираюсь с ним разговаривать. Но он не унимается:

«Тебе придётся. Ты так просто от меня не отделаешься, ведь ты носишь моего ребёнка».

Телефон выпадает из ослабевших пальцев. Его слова звучат угрозой. После всего, что было, он ещё смеет заявлять права на ребёнка, отцом которого, возможно, даже не является!

В груди тревожно. Вдруг он собирается что-то предпринять? Вдруг придётся защищать себя и малыша? Дима такой... от него не знаешь, чего ожидать.

Слёзы катятся по щекам. Я чувствую себя загнанной в ловушку. Между двух мужчин, каждый из которых претендует на моё внимание и на ребёнка. Только один из них делает это из искренней заботы, а другой... Другой просто пытается вернуть то, что потерял.

Телефон лежал на коленях, экран погас. Я всё ещё не могла прийти в себя от прочитанного.

«Скоро приеду и заберу тебя!» – эти слова эхом отдавались в голове, вызывая тошноту. Заберёт меня? Как будто я вещь, которую можно просто взять и унести.

Пальцы дрожали, когда я набирала ответ:

«Меня не нужно забирать. Я никуда не собираюсь уходить. И перестань писать мне!»

Но он не унимался. Сообщения сыпались одно за другим, каждое становилось всё более настойчивым:

«Лена, послушай! Я всё понял! Я был идиотом! Я люблю тебя!»

«Ты моя единственная! Я не могу без тебя жить!»

«Когда я узнал про ту историю с любовницей, я понял, как сильно ошибался!»

Я читала эти сообщения, и внутри всё переворачивалось. Как он смеет? После того, как сам предал меня, теперь рассказывает про какую-то любовницу. Думает, это оправдывает его поведение?

Отключила телефон. Просто не могла больше это читать. Не могла больше это терпеть.

В голове крутились мысли, одна страшнее другой. Что, если он действительно придет? Что, если начнёт требовать встречи?

В памяти всплывали моменты нашего прошлого. Как он улыбался, как говорил о будущем. Как обещал любить вечно. И как легко предал всё это ради какой-то интрижки.

Слёзы катились по щекам, но я не вытирала их. Пусть текут. Может, вместе со слезами уйдёт и эта боль, это чувство предательства.

Демид. Мысли о нём приносили хоть какое-то успокоение. Он относился ко мне с уважением, с заботой. Он не пытался манипулировать, не шантажировал ребёнком.

Но теперь появилась новая угроза. Дима, который решил, что может просто вернуться и всё исправить. Как будто его предательство ничего не значит.

В дверь позвонили. Я вздрогнула.

– Демид? – думаю я. – Ему зачем звонить? У него ключи есть.

Звонят ещё раз. Я подскакиваю.

– Боже, вдруг это опять она пришла?

Глава 11 – 3 января

Я появился в дверях и сразу увидел её заплаканное лицо.

– Лена, что произошло?

Она только молча покачала головой, словно слова застряли в горле. У меня даже дыхание перехватило.

– Расскажи мне. Я здесь. Я рядом.

– Всё хорошо... – еле выдохнула она.

– Вижу же, что нет. Это из-за Ольги? – Спросил я тише.

Слёзы на её глазах навернулись с новой силой.

– Ну перестань, ты что... Я же сказал, что это больше не повторится.

Сел рядом, осторожно обнял её. Она не отстранилась, но и не ответила на объятие.

– Расскажи мне, пожалуйста. Я же вижу, что тебя что-то тревожит.

Она всё ещё молчала. В голове крутились мысли об Ольге.

– Тебя расстроили её слова? – спросил я прямо.

Лена покачала головой, но я видел –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.